Инфер 4

Автор:
Дем Михайлов

Инфер 4

Дем Михайлов

Инфериор #4

Четвертая книга из мира Низший, цикла Инфериор.

Дом. Милый дом.

Место, куда хочется вернуться, скинуть тяжелое снаряжение, всунуть ноги в мягкие тапочки, закинуть на плечо дробовик и пошлепать решать явно непростые проблемы почти всемогущей в своих владениях Камальдулы – машины, что управляет замкнутым миром-опухолью Франциском II. И гоблин Оди не против прорубить еще одну кровавую просеку на своем пути, если это может приблизиться к манящей его цели – находящему в океане и надежно защищенному миру-опухоли, что был самым первым среди себе подобных. Формоз.

Место, где был рожден Атолл Жизни.

Место, где началось все это дерьмо.

Место, что может хранить в себе ответы на многие вопросы.

Ради доступа к Формозу Оди без колебаний вернулся в родные стальные подземелья, где люди похожи на забитый в трубы податливый пластилин…

Осталось прорваться сквозь Сумрачные Территории на родную гоблинскую Окраину…

Дем Михайлов

Инфер 4

Пролог

Нагретый собственным содержимым бетонный короб достигал четырех метров в высоту и восьми в ширину. Огромный ленточный червь, один из множества ему подобных, проходящих сквозь чрево небесной башни-государства. Опустив на обращенный к стене край короба кресло без ножек, я уселся, распечатал банку пива Блатта Экстра и задумчиво уставился в единственное еще не заложенное кирпичом узкое длинное окно, за которым открывался вид на совсем близкий океан и светлеющую перед ним полоску песчаного берега. Пустыня ежедневно сбрасывала в воду тонны песка, пытаясь отвоевать у океана хоть немного территории. Океан же жадно глотал подношение, а на следующий день насмешливо выбрасывал его обратно, громоздя дюны, что из-за отсутствия сдерживающей их растительности быстро превращались в бродячие барханы, которые рано или поздно уползали к далекому горизонту. Но однажды ветер пригонит их обратно и снова сбросит в океан у подножия гордой величественной небесной башни.

Не просто башни – независимой башни.

Независимость дорого далась этому гиганту – некогда ультрасовременная постройка, что дала приют сотням тысяч населения, стремительно превращалась в гетто. Неуплата коммунальных платежей привела к массовым прорывам труб, коротким замыканиям, обесточиваниям целых этажей-районов, а затем и к полному их блокированию из-за непригодности для проживания. И ради лишения криминала площадей для ведения своего подпольного бизнеса.

Те, кто был изгнан из своих трущоб, выбора не имели – им было приказано либо доказать свою кредитоспособность и получить право остаться, либо же покинуть небесную башню с помощью любезно предоставленных транспортных барж, что

обычно доставляли сюда различные припасы, заодно подпольно вывозя и сбрасывая в океан особо ядовитую «отрыжку» башни, которую она не могла переварить самостоятельно.

Доказать свою платежеспособность смогли единицы. Они перебрались на те этажи, что были чуть побогаче, но тоже стремительно нищали, превращаясь в очередное гетто. Некоторые – те, кто потупее – решили покинуть башню, и вскоре их с личными пожитками высадили на песчаном пологом берегу в паре километров отсюда. Каждому правление выдало по десять литров относительно чистой воды и суточному продовольственному пайку. Этого им должно было хватить, чтобы преодолеть путь в двадцать километров до ближайшего населенного пункта – крохотного и почти полностью автоматизированного транспортного узла, что осуществлял доставку заказанных товаров между пятью башнями-близнецами, называющими себя Аурум Супербия. Никто не знал значения этого названия – всем было насрать. Особенно тем, кто был изгнан. На берегу образовалась огромная толпа. И вскоре те, кто посильнее, начали забирать воду и еду у тех, что послабее. Еще через пару минут вспыхнула первая драка, что быстро переросла в массовое побоище. Светлый мертвый песок потемнел от пролитой крови.

Сидя в кресле на краю бетонного короба, что прогонял через себя тонны отходов, ведя их в давно уже почти не работающие очистные сооружения – плевать, океан проглотит и это – я пил прохладное пиво, неспешно курил и смотрел в окно, изредка бросая взгляды на лежащий на колене планшет. На экране происходящее на берегу показывали в красках, со звуком, казалось, что брызги крови летят прямо в лицо. За моей спиной трое молчаливых, выдрессированных как следует помощников разгружали только что прибывшую малую грузовую платформу, снимая с нее пластиковые ящики с просроченными пищевыми пайками и сотнями банок такого же пива. Содержимое ящиков передавалось в жадные руки сдержанно гудящей толпы, что обступила дарителей. Колышущаяся толпа стояла смирно – они уже знали, что не стоит напирать и проявлять чрезмерную жадность. Вчера я убил здесь троих – убил показательно, двоим вскрыв глотки от уха до уха, а третьему выпустив кишки. Это научило здешних отморозков не пытаться присвоить даже часть продовольствия. А здешний сброд научился спокойствию.

Да… сюда, в мрачную утробу небесной башни, перебрались те остатки населения из расселенных этажей, что сохранили достаточно разума для понимания – снаружи их ждет смерть. Пусть отсюда нет доступа к еде, а вода

только техническая, мутная и горькая, полная тяжелых металлов, но здесь хотя бы нет убийственно палящего солнца. И нет рассекающих по пескам автоматизированных квадроциклов с навесным оружием – новый вид жестокой реалити-игры, где управляемые дистанционно машины с электрическими движками сутками катались по пустыне, выискивая достойную цель. Шоу полностью незаконное, но очень популярное. Все любили тайком поглядеть, как разлетаются на куски попавшие под крупнокалиберные пули придурки…

Когда я узнал о возникшей в этом секторе коммуне бездомных, мне было посрать. Но затем я узнал, что там уйма детей. Это изменило дело. Теперь я доставлял сюда продовольствие. И пиво в качестве воды – чистая вода слишком дорогое удовольствие. Ее было мало – только для детей. Остальные хлебали просроченное пиво, и их это полностью устраивало.

– Босс.

Глянув на Дарин, что загородила путь подошедшему парню, я коротко кивнул, и она пропустила его. Бросив на меня быстрый бесстрастный взгляд, Дарин отвернулась, вернувшись к контролю толпы. Но ее бесстрастность меня не обманула – она все еще ненавидела меня. Я убил ее младшего брата. Убил за дело. И мозгами она это понимало. А вот сердцем нет – она заменила ему мать, сама вырастила ушлепка, а я его у нее отобрал. Пока что она держала эмоции под контролем, но я знал – однажды, перебрав наркоты или алкоголя, она явится, чтобы отомстить.

Опустивший рядом со мной на корточки был еще молод – ему двадцать четыре. Я на восемь лет старше. Почти на девять.

– Босс. – с моего молчаливого разрешения вскрыв одну из банок Блатта Экстра, он сделал большой глоток, глянул на экран планшета.

На далеком песчаном берегу уже все закончилось. Лежащие вповалку мертвые тела, кружащие над ними как стервятники дроны, уходящая в песок кровь и убегающие прочь убийцы, волокущие за собой жалкую добычу. Скоро все снова оживится – из башен уже наверняка послана частная полиция, чтобы соблюсти хотя бы видимость законности. Убегающих поймают, половину убьют при задержании, остальных притащат обратно в изрыгнувшие их башни и устроят показательное судилище. Само собой, приговоры будут только расстрельные.

Тех же, кому чудом посчастливится уйти от копов, ждет судьба похуже – на них начнут охоту дистанционно управляемые квадроциклы и дроны. Почти ни для кого не секрет, что все эти операторы живут в башнях Аурум Супербия, зарабатывая на трансляциях своих охот и не забывая отстегивать щедрую долю тем, кто их прикрывает.

Допив пиво, я тут же открыл следующее и, делая глоток, поверх банки взглянул на заходящегося влажным хриплым кашлем старика, что пытался выблевать свои легкие. Частично у него получалось – изо рта вылетали черные ошметки, что плюхались на нагретый бетон. В метре от старика двое малышей в обносках беззаботно играли с безрукой куклой и черепом крысы. Чуть дальше опьяневший от просроченного пива мужик пытался запустить руку под рваную рубашку жеманно хихикающей грязнули, на чьих черных потрескавшихся пятках вполне можно было высаживать грибы – если они уже там не росли.

– Дерьмо, – процедил Динк, отрывая взгляд от старика. – Босс… позволь вопрос?

– Спроси, – зевнул я.

– Зачем ты лично сюда ходишь? Мы бы и сами проконтролировали раздачу жратвы этим убогим. А ты прешься сюда сам, дышишь этим воздухом. Чувствуешь, чем здесь воняет?

– Дерьмом, – кивнул я. – Здесь воняет дерьмом, перекисшим потом, болезнью, чуток кровью… а еще здесь воняет детской мочой… Веселая коммуна, что живет на вершине магистрального сточного короба.

– Вот именно! Мы сидим на хреново прикрытом бетонном желобе, полном теплого дерьма… Зачем ты сюда приходишь, босс? Да и нам незачем – рядовых быков послать, и они разрулят.

– Чтобы не забывать, – ответил я и, не дожидаясь недоуменных вопросов, продолжил говорить: – Дыши глубже, Динк. Вдыхай запах дерьма, смотри на блюющего собственными легкими старика, любуйся сношающимися ушлепками, что не стесняются играющих рядом детей. Вдохни, ощути, запомни. И если однажды ты вдруг чересчур загордишься своим сытым свободным положением, если вдруг начнешь относиться к своему достатку как к чему-то обычному… тогда вспомни увиденное и унюханное здесь. Окуни руки по локоть в это

дерьмо. Поднеси ладони с дерьмом к лицу. Это отрезвит. Заставит бояться – а вдруг однажды ты потеряешь все нажитое и превратишься в одного из этих несчастных? Что, Динк? Хочешь пожить здесь недельку?

– Ну нахер, – зябко вздрогнув, беловолосый Динк замотал головой. – Лучше сдохнуть, чем жить… вот так…

– Все так говорят, – проворчал я. – Но я не об этом.

– Я уловил суть, босс. Ты спускаешься сюда, чтобы увидеть все это дерьмо и…

– И чтобы никогда не расслабляться. А заодно чтобы быть привычным к этому. Я не собираюсь жить в таком дерьме, но если придется – я хочу окунуться в него без внутренних дешевых содроганий, что сейчас крупно нарисованы у тебя на искаженной роже.

– Пройдет и это… – пробормотал Динк.

– Что?

– Говорят, у одного из царей древности на пальце было кольцо с надписью «пройдет и это». И он часто поглядывал на него – чтобы не радоваться…

– Чтобы не расслаблять булки, – понимающе кивнул я.

– Ты в таком месте никогда не окажешься, – убежденно заявил Динк, что быстро сделал карьеру в моей организации и продолжал расти. – Ты не такой. А эти… сношающиеся и блюющие… босс, да они сами виноваты! Половина из них заслужила себе такой вот… город на дерьме.

– Город на дерьме, – усмехнулся я. – Да. Имей я возможность… я бы создал такой город, Динк.

– Город на бетонном коробе, полном дерьма?

– Город в дерьме. Чтобы там даже дожди были вот такие, – подняв руку, я указал в сторону.

Там в желоб входило несколько давно прогнивших труб, и сейчас вниз стремительно спускалось бурое облако фекалий, грозя накрыть все на метры вокруг. Живущие там либо прятались под заляпанные пластиковые навесы, либо разбегались.

– Дожди из дерьма?

– Да. Дожди и реки из дерьма, но чтобы некуда было от них бежать! Чтобы те, кто просрал собственную жизнь по тупости и безделью, попадали на несколько лет в такой вот город. Пусть поживут в мире дерьма. Пусть покроются язвами. Пусть дышат дерьмо и пьют воду с дерьмом.

– Да нахрена?!

– Подержать их там пару лет… и отпустить. И ты увидишь, как сильно они начнут ценить нормальную жратву, нормальный воздух, чистое небо над головой и жизнь без язв на коже… Да… хотел бы я иметь возможность создать такой город однажды.

– Босс… я только за твое возвышение. Ты знаешь – я в наших войнах первый стреляю. Но я рад, что у тебя нет возможности построить город из дерьма… И этих бедолаг мне тоже чуток жалко. Они… как будто-то и не люди, а твари какие-то. Низшие… низшие создания…

– Это их добровольный выбор, – оскалился я, глядя на упавшего и затрясшегося в судорогах старика. – Они добровольно низшие, Динк.

– А мы тогда кто? Высшие, что ли?

– А мы те, кто поит их просроченным пивом и кормит дешевой жратвой. Вызвони сегодня Диккенса. Пусть заберет еще сорок детей в социальные приюты. А мы проследим, чтобы у них было все необходимое.

– Диккенс сказал, что площадей нет.

– Пусть найдет. Или уже завтра он вместе со своей красивой ухоженной женой будет жить вон в той обляпанной дерьмом палатке и ждать, когда мы прикатим

тачку со жратвой. Понял?

– Понял, босс. Я даже сфотографирую ему его будущее место проживания – его это впечатлит…

– Хорошо. Что там с поставкой еще одного контейнера с просрочкой? Верхние этажи шевелятся? Ты проконтролировал? Сегодня контейнер придет?

– Я не успел, босс, – повинился Динк, взлохматив идеально уложенную белую шевелюру. – Но у нас ведь еще есть запасы на три дня. Я только что проверил.

– Только что проверил, – медленно повторил я, и уже неплохо знающий меня парень опасливо подался назад.

– Ты чего, босс?

– Мир повторяется, да?

– Не усек сейчас…

– Я расскажу тебе историю. Она короткая. И поучительная.

– От тебя любую выслушаю, босс.

– Жил давно на свете один старик. Он жил на вершине заброшенной башни далеко отсюда. Но какое-то время он обитал вон в той самой пустыне, – почти опустевшей банкой я указал в окно напротив. – Он жил в небольшом селении, приглядывая там за порядком. Домом ему служила глинобитная мазанка с плоской крышей. За мазанкой, в глубине длинного узкого участка, был небольшой сарай. И вот этот старик… у него всегда не хватало времени на личные нужды – приходилось мотаться между вечно ссорящимися местными, чтобы не допустить пролития крови. Если там начинается резня – это на долгие годы. И вырезаются целые роды.

– Понимаю…. Люто…

– И вот перед отъездом он говорит своему помощнику – «я вернусь вечером, а до этого ты натаскай кизяка и сухой травы в сарай». Они использовали это как топливо для обогрева холодными пустынными ночами. Ну и пищу на этом готовили.

– Так…

– Когда старик вернулся домой, его встретил помощник. Старик спрашивает – «Как там с дровами и кизяком?» А помощник ему в ответ с виноватой улыбкой – «Я не успел сегодня, слишком уж было много дел. Но на днях сделаю! Но ведь ничего страшного – я посмотрел и увидел, что у тебя в сарае еще есть запас кизяка. Вот возьми холодного айрана, выпей, я сам за ним сбегал к другу на другой конец селения!» Старик выслушал, снял с плеча дробовик и отстрелил этому хренососу голову. Спустя годы он рассказал эту историю мне. И я спросил его – почему он так поступил? И вот что он мне ответил – его помощник не нашел времени натаскать грязный сухой кизяк и колкую траву, но зато у него нашлось время сбегать за холодным айраном и проверить запасы в чужом сарае.

– Вот дерьмо…

– Вот и думаю я сейчас…

Поднявшийся Динк выставил перед собой ладони:

– Не напрягай усталую голову, босс. Уже сегодня контейнер просрочки будет стоять на нашем складе.

– Хорошо… пусть так и будет, Динк. Пусть так и будет…

Глава первая

После прохода через первый стальной шлюз, что вел от пещеры системных обозников в преддверие мира-опухоли Франциск II, мы очутились в еще одном стальном боксе – куда большем по размерам. Здесь Камальдула заставила нас проторчать четыре часа, за которые я успел вздремнуть и даже что-то урывками

увидеть из сновидений-воспоминаний. Мы все немного отдохнули. Но сначала пришлось вытерпеть потоки то прохладного, то теплого воздуха, наполненного химическими ароматами. С нас сдули пыль, затем окропили обеззараживающим раствором, выдержали паузу в пару часов, повторили процедуру раствором с уже другим запахом, еще два часа… и массивная створка преграждающих путь врат отошла в сторону. Вроде все хорошо, но все же была одна проблемка – предлагаемый путь был достаточно широк для каждого из нас, но только не для внедорожника с прицепом.

Задумчиво оглядев предложенную щель, я задрал голову и заорал:

– Мне нужен транспорт, Камальдула!

Секунда… пять секунд… и загудевшие скрытые моторы отодвинули створку еще на пару метров. Обрадованный Хорхе прыгнул за руль и поспешно вдавил педаль газа, справедливо опасаясь, что система может и передумать. Но он зря опасался – машина еще подъехать не успела, а за открытой створкой уже заплескалось подозрительно бурое озерцо, разместившееся в промежутке между двумя вылезшими из бетонного пола стальными порогами. Пришлось придумывать пандусы, чтобы внедорожник сумел перевалить через препятствие. Я первым ступил в бурлящую жидкость и пошагал к противоположному краю, морщась от рвущего ноздри едкого запаха. За мной последовали остальные. Я оглянулся лишь раз, чтобы оценить бойцов. Кто как входит?

Зрелище было грустным.

Все новички тупо забыли об осторожности, либо открыто выказывая потусторонний зябкий страх, либо завороженно крутя башками по сторонам, бездумно опустив оружейные стволы к бетонному полу.

Бетон…

Да. За вторым шлюзом начинался бетонный рай – гудящий от потоков воздуха тоннель, что был освещен редкими светильниками под высоченным потолком. При нашем приближении лампы услужливо зажигались, а затем тухли за нашими спинами. Я тихо выругался, понимая, что нет смысла требовать от системы вырубить эти предательские маяки – тут явно что-то вроде тупых

датчиков движения. А в целом этот тоннель явно не использовался уже очень и очень давно, если судить по нетронутому ни единым следом слою мокрой грязи на полу. По левой части коридора тянулась длинная транспортная лента, по крутящимся стальным валикам неспешно плыли несколько крупных безликих контейнеров. Именно с помощью таких система не однократно радовала нас всем подряд – от витаминов с шизой до оружия и экзоскелетов. Неизвестно, что находится внутри уплывающих из Франциска II контейнеров, но я помнил явно выраженную в тексте задания нелюбовь Камальдулы к системным обозникам. Она относилась к ним как к чужим, как к грабителям. И явно не имела бы ничего против, предпочти я прикончить всех обозников и уничтожить их технику.

По бетонной кишке, что соединяла один из анусов Франциска с внешним миром, мы двигались семь с половиной километров, пока не уперлись в очередные раздвижные стальные врата. Транспортная лента давно осталась позади, нырнув в бетонное вздутие и пропав. Над нашими головами замерло два мостовых крана, что выглядели как угодно, но только не автоматизированно – остекленные кабины были тускло освещены желтыми лампами, что позволяло увидеть примитивные органы управления и понять, насколько древней была эта техника. Такое создано для грубых гоблинских лап. Но проверять, так ли это, я не стал – неохота было взбираться по приделанным к стенам стальным лестницам. Да и некогда – ворота раздвинулись, пропуская нас дальше. Я демонстративно приподнял и опустил винтовку. За спиной защелкали затворы, застучали проверяемые магазины, Каппа выдвинулся вперед в своей Глефе. Мы с наемницей пока оставались в обычной снаряге – я не забывал про критичную важность энергии, а подзарядки на пути нам пока не встречались.

За вратами оказались еще одни, и, прежде чем они открылись, нас заперли и пару минут помариновали в этом тамбуре, обдувая потоками воздуха, пахнущими цитрусовыми, химией и… Дренажтауном. Этот мерзкий родной запашок забыть трудно. А еще я уловил в воздухе запах чего-то тоже знакомого, но уже забытого. Потребовалась минута, чтобы я понял – так вроде бы пахнет серая слизь, которую я когда-то таскал ведрами, выполняя первые задания Камальдулы.

Я не удивился, когда по точно такому же коридору, но уже снабженному двойными рельсовыми путями мы двигались еще пятнадцать километров ровно. Но путь уже не был прямым как стрела – нас вели по отчетливой дуге, а в стенах встречались тусклые стальные прямоугольные и квадратные заплатки, что явно прикрывали заблокированные проходы куда-то. Кое-где на влажных и местами

потрескавшихся стенах виднелись осыпавшиеся остатки намалеванных знакомых обещаний и ободрений. Они окончательно убедили меня, что в очень далеком прошлом эта бетонная кишка использовалась для доставки внутрь партий гоблинов-счастливчиков, спешивших скрыться в огромном убежище от опасностей закатного мира.

«Вы уже в безопасности!»

«Удача на вашей стороне!»

«Новый дом ждет!»

«Здесь нет войн и бед! Нет голода и слез! Здесь в избытке счастья!»

«Я живой!»

«Вас ждет дивная новая жизнь!»

Удивительно, что многие буквы осыпались, равно как и исчезли глаза на лицах изображенных счастливых гоблинов. Но вот восклицательные знаки и сверкающие улыбки сохранились идеально. Может, для них использовалась особо стойкая краска?

«Инженеры нижних уровней – сила!»

Замедлившись, я перечитал этот странный лозунг, находящийся над еще различимым изображением улыбающегося мускулистого грязнули, что помимо комбеза имел на себе частичный рабочий экзоскелет, увешанный различными инструментами.

Чуть дальше была более вразумительная надпись:

«Инженеры нижних уровней держат мир на широких плечах! Присоединяйся!»

– Инженеры нижних уровней, – пробормотал Каппа и повернулся ко мне забралом: – Это…

– Гномы, – оскалился я, чувствуя, как внутри разгорается притухший, но не исчезнувший огонек злобной ярости. – Гребаные гномы…

– Почему не механики?

– Потому что «инженеры» звучит круче, – отозвалась торчащая из потолочного люка внедорожника Ссака.

– Сеньор, – показался из водительского окна Хорхе. – Впереди свет…

– В жопу твое «сеньор», гоблин, – буркнул я. – Здесь таких нет. Забывай.

– Бвана, – с едва заметной усмешкой произнес Каппа. – Да, лид? Бвана…

Тихо рассмеявшись, я глянул на тусклые огни впереди, что так напрягли водителя:

– Пятачок?

– Придорожный пятачок безопасности, – подтвердил Каппа, давно успевший все разглядеть с помощью бортовой электроники. – Но…

– Да?

– Там два торгмата, командир. И их прямо сейчас торопливо загружает какая-то…

– Дрезина, – предположила Ссака, протягивая мне бинокль. – Дрезина с жирной жопой и длинными руками…

Удивленно хмыкнув, я на ходу прижал бинокль к глазам, одновременно дав прикладом ласковый подзатыльник сунувшейся вперед узкоглазой лучнице. Та умудрилась почти полностью увернуться, получив по башке лишь касательный удар и с понимающим «ш-ш-ш-ш» утечь назад. Я не обратил внимания на ее шепелявое извинение, сосредоточившись на ранее еще не виданном зрелище. Здесь явно не имелось внутристенных магистралей доставки, что вели прямо к торгматам. Поэтому их загружали иным способом – в стене открылся один из

стальных люков, откуда выдвинулась небольшая железнодорожная платформа со здоровенным коробом сзади, что походил на вздутое брюхо монструозного насекомого. Передняя часть платформы была занята крутящейся средней полусферой – а значит, есть и вооружение. Середина же скрывалась под пуком сходившихся здесь манипуляторов. Большая часть этих лап сейчас бездействовала, будучи сложена, а три манипулятора занимались делом – один таскал из приоткрывшегося короба небольшие контейнеры, вкладывая их в мигающие торгматы, а еще два старательно сметали пыль с приподнятого пятачка. Сама дрезина на полметра утопала в воде, что залила эту часть тоннеля. Чуть в стороне с потолка обильно капало, и чем ближе мы подходили, тем отчетливее я различал частые трещины в потолке тоннеля. От мысли, что прямо над нами сейчас плещется внутренний кольцеобразный океан Франциска II, меня невольно царапнуло холодком инстинктивного страха, что тихо, но очень отчетливо шептал мне прямо в мозг: «здесь задерживаться не стоит».

Дерьмо…

Настоящее, мать его, дерьмо, причем наглядно!

Я не помню, на сколько веков были рассчитаны миры-опухоли. Может, два, может, три века максимум. Слишком уж сложны и огромны эти сооружения, чтобы рассчитывать на больший срок. Рано или поздно вся эта хрень рухнет. Есть зыбкий шанс, что удастся продержаться дольше. Но это при условии, что долбаные «инженеры нижних уровней» действительно делают свою работу, а не просто трахают татуированных жриц и скармливают заманенных гоблинов плунарным ксарлам.

Успев закончить с делами до нашего прибытия, дрезина сложила стальные лапы и убралась из тоннеля, скрывшись в тут же закрывшемся боковом отнорке. Свет над солидной по размерам зоной безопасности вспыхнул ярче, высветив такое, что я тут же забыл об услужливом доставщике припасов.

Первое, что приковало мой взор – расположенная за зоной безопасности стальная стена с врезанной в нее раздвижной дверью. Где-то на метр стена уходила под скопившуюся здесь стоялую вонючую воду. И в воде что-то жило – метались юркие светящиеся тени, всплескивала и шла рябью поверхность, были видны белесые наросты на полу и стенах. Над дверью радостно светилась старинным неоном надпись «Убежище Франциск II: новый дом для равных во всем! Добро пожаловать!». Как смешно…

Вот оно – начало настоящего путешествия. Вот оно начало Сумрачной Территории, чье одно только название так много говорит опытному и битому жизнью гоблину.

Маршрут начальный: Транспортная зона-2 – Сумрачная Территория – Окраина Мира – Гиблый Мост – Дренажтаун – Грузовая платформа-5М. Дальнейшие указания последуют.

Транспортная зона позади. А мы в крохотном безопасном буфере, где можно перевести дух и…

– Энергия есть! – радостно сообщил Хорхе, успевший вытянуть кабель и поискать куда бы его всадить. – Зарядка пошла!

Молча кивнув, я развернулся и взглянул на следующую местную достопримечательность – большой вроде как придорожный щит, что был установлен серой задницей к нам, а лицевой частью к стальной стене с дверью. Щит «радовал» рисунком улыбающегося светловолосого мужика в то ли зеленом, то ли синем комбезе, что выставлял оттопыренный большой палец. Над ним слова «Поздравляем, герой!», а в самом низу – «Край МИРА достигнут!».

Шагнув чуть ближе, я с нескрываемым изумлением прочитал куда более мелкие строки на прикрепленном к стойке щита стальном листе. Вычеканенный текст гласил, почему-то показавшись мне деловой рекламной скороговоркой:

Поздравляем! Вы в шаге от получения легендарного игрового достижения «Грань Мира-2!».

Для получения и внесения достижения во внутреннюю личную базу прижмите любой палец к расположенному ниже сенсору.

В качестве дополнительной награды каждому обладателю достижения предлагается на выбор один из нижеследующих пунктов.

Выбирай сердцем, герой!

Перечень дополнительных наград на выбор:

ВИП-статус на сутки в элитном борделе Эльфийская гурия;

боевой экзоскелет «Рекрут» с серебряной отделкой;

беспроигрышные лотерейные билеты на розыгрыш рандомных элитных блоков к игстрелам;

полный курс регенерационной смеси с отложенной активацией по необходимости «Воскреситель-Альфа-3»;

акр плодородной земли в личное владение в доступных зонах

(без права дарения, наследования или продажи).

– Вы, сука, долбанулись, – пробормотал я, прижимая палец к сенсору. – И я, походу, тоже…

– Я тоже жиману, – скромно признался Каппа. – Если дадут… что посоветуешь выбрать, лид?

– Не бордель и не акр, – буркнул я, убирая палец после того, как сенсор мигнул зеленым.

– А дают только вам? – не скрывая жадности, поинтересовалась вчитывающаяся Ссака. – Мы-то, сука, не местные… а как же новый дом для равных во всем?!

– Хорошо Рэка здесь нет, – хмыкнул я, еще раз скользнув взглядом по списку наград.

Спустившись ниже, мой взгляд уперся в третью здешнюю достопримечательность. В этом месте зона безопасности прилегала к стене, что

была снабжена не только явно мертвой полусферой под потолком, но и пятком приваренных к стене нар и так давно мной не виденных капсул с прозрачными оконцами. Прижми палец, снимется оплата, и на сутки эта капсула твоя – спи, жри, смотри на опасный мир сквозь оконце, почесывая отмякающую во временной безопасности жопу.

– Отдыха не будет, – предупредил я гоблинов, которые уже явно нацеливались на жесткие холодные койки. – Через полчаса двигаемся дальше.

– Хотя бы час, лид, – крикнул от щита Хорхе. – Не ради себя прошу – подзарядка. Пусть хоть чуток энергии глотанет.

– Час, – согласился я. – Не больше. Эй! Не трогать!

– Да, сеньор… – пугливо попятился самый любопытный гоблин.

– Так… – выдохнул я, задумчиво глядя вниз.

Это «так» скромно лежало на одной из коек. Второе «так» находилось на полу рядом с койкой. Я начал осмотр с самого низа.

Скелет. Женский. При жизни она была невысокой, а из одежды предпочитала что-то вроде бронированного топика и кожаных шорт, обшитых кольчужной сеткой. Наколенники, наплечники и налокотники не в счет, как и серебряный обод на черепе. Язык не поворачивается назвать это дерьмо броней, хотя и присутствуют многие элементы. В черепе зияет сквозная дыра. В метре от скелета валяется в грязи большой игстрел с широким ремнем. Там же лежит почти сгнившая перевязь с саблей.

Ладно…

Койка?

На койке мирно вытянулся мужской скелет. В двух шагах от него замер согнувшийся и вскрытый боевой легкий экзоскелет неизвестной мне модели. Но судя по очертаниям и вооружению, это что-то чуть ли не самопальное и уж точно из набора «я дам тебе кучу разнокалиберного дерьма, а ты собери конфетку».

Скелет дохлого рослого мужика. На едва прикрытых рваной тканью ребрах лежит пистолет. В виске дыра, оставленная пулей.

Чуть пригнувшись, я вытащил из его руки стеклянную бутылку, открутил со скрипом крышку. Мне на руку выпала тонкая бумажная трубка.

«Мы дошли. Прорвались. Из пятидесяти семи дошло только двое. Лея потеряла экз, истекает кровью. Дерьмо… Нам уже не вернуться. Нам не пройти через Сумрак. Лучше умереть здесь, чем там. В жопу! В жопу! В жопу! Но мы все же дошли! Прорвались! Конец пути… Лею предупреждать не стал. Решил за нее. Она умерла мгновенно. Я сам ухожу следом. Тому, кто читает – герои Констард Крутой и Лея Пушистик дошли до второй Грани Мира! Мы сумели! Гордитесь нами! Если окажетесь в…»

– Тупые ушлепки, – проворчал я, выпуская листок из пальцев.

Подавшаяся вперед Ссака успела подхватить его до того, как он спланировал в лужу. Усевшись на край облюбованной скелетом койки, наемница погрузилась в чтение, а я пошагал к призывно светящимся торгматам, не обращая внимания на торжественную надпись перед глазами:

Подтверждено получение достижения «Грань мира-2».

Глянув на торгмат, оценив навскидку ассортимент, я понимающе усмехнулся, подступил поближе и, пройдя очередную идентификацию, принялся выгружать товары в лоток, откуда их проворно забирал подбежавший Хорхе, сгружая прямо на пол. Торгмат радостно пикал, с готовностью выдавая пластиковые и стальные обоймы, коробки патронов, запасные броневые щитки, шлемы, разгрузки, рюкзаки, обувь… в общем все то, по чему я так скучал в джунглях. Там подобное тоже удавалось отыскать, но уже ношеное, коцаное, испохабленное, воняющее кровью и дерьмом. А тут все новое и… и я ничуть не удивился, когда обнаружил во втором торгмате черные футболки, штаны, трусы, майки, носки, тяжелые ботинки и даже поясные ремни. Там же нашлись запакованные в пластиковую обертку прохладные сменные картриджи для наших аптечек.

Каждому нашлось всего понемногу. Камальдула успела сосчитать нас, изучить внешность, выгрузить из своих банков данных информацию о известных ей предпочтениях, глянуть, во что одеты и как снаряжены незнакомые ей, после чего собрала контейнеры избранным товаром и отправила «дрезину» на загрузку давно пустовавших торгматов.

– Че ты делаешь? – поморщился я, глядя, как Ссака, успевшая прочитать предсмертное послание дохлого героя, бережно прячет листок, еще пару каких-то бумажек и что-то вроде диктофона в свой рюкзак.

– Это же история, лид, – пожала плечами наемница. – Вот тебе глубоко похер на эту сопливую мишуру…

– В точку.

– А кому-то будет полезно потом найти все эти мысли уже мертвых ушлепков и узнать, чем они жили, о чем думали.

– На кой хер?

– Ну может, среди них окажутся историки или те, кому важно изучить прошлое, чтобы не допустить в их настоящем…

– Нет. Ты не поняла. Лично тебе это на кой хер, боец?

– Это данные, – она опять пожала плечами, широко улыбнулась. – Данные надо сохранять. О прошлом надо знать. Я не яйцеголовая и не особо умная, но мне кажется, что так будет правильно. Вот тебе, мне и почти всем нам стерли память. Мы ничего не знаем. Ты доволен своим беспамятством?

– Ты пересидела в компании ученых, – качнул я головой. – Переслушала их пафосных речей. Пусть не помнишь этого, но их пердливое влажное эхо все еще гуляет в твоей ушибленной голове.

– Да, может и так… но почему нет, лид? Мы только и умеем что убивать. Ну еще и выживать. А ученые… да, от них вони больше чем толку, но ведь создали уйму полезного!

– Ладно… а историки? Те, кто ворошит грязное белье давным-давно сдохших гоблинов. Ведь эти сберегаемые тобой бумажки нужны им, а не создающим что-то ученым.

– Говорю же – важно знать об ошибках прошлого, чтобы не допустить их в настоящем или буду…

– Дерьмо это все! – зло буркнул я. – Сколько веков изучали историю! И как? Пошло на пользу? Извлекли жизненные уроки? Взяли пример? Нет! Как всем было и раньше посрать на ту же загибающуюся и уже почти загоревшуюся планету… так и теперь посрать!

– Но ведь теперь планета спасена!

– Ага, – издевательски ухмыльнулся я. – Теперь планета спасена. Но для ее спасения никто не изучал долбанное прошлое. Нет. Просто взяли и уничтожили для начала кучу гоблинов, чтобы те перестали срать и дышать, загрязняя воду и пережигая кислород. А остальным гоблинам, тем, кому посчастливилось, стерли нахер память, чтобы они позабыли обо всем – включая ошибки далекого прошлого… и свои гражданские права. До коктейля «Сучья Амнезия» он был наглым говорливым гражданином, что смело срал мимо унитаза и кидал мусор в окно машины, а превратился в мирного бродячего дикаря, что через шаг кланяется стальным системным полусферам и до усрачки боится сорвать лишнее яблоко с дерева. Вот как решили проблему! Говоря о прошлом, но нихрена не делая в настоящем, будущему не поможешь!

– Х-м-м-м-м… тогда в жопу пользу старых записей – буду слушать и читать их сраные мемуары чисто для личного кайфа. Так пойдет?

– Да мне посрать.

– Можно мне высосать пачку вон того вишневого концентрата?

– Соси смело.

– Спасибо, лид… спасибо…

Хмыкнув, я принялся стягивать с себя разгрузку, а понятливый Хорхе уже отбирал для меня комплект свежей одежды, не забыв швырнуть к моим ногам огромную пачку влажных полотенец. В двух шагах от меня, уже достаточно умело снаряжая обоймы, беседовали два загорелых до черноты гоблина. Тот, что постарше, седой, уже теряющий по возрасту мышечную массу, но все еще крепкий, явно услышав обрывки нашей с Ссакой беседы, ударяя кулаком о ладонь, яростно доказывал:

– Все верно лид сказал! Какое прошлое? Зачем в нем копаться? Ведь и так все ясно! Гоблины – это дерьмо. Даже не дерьмо, а колючая проволока, спрятанная в жирной колбасине из дерьма. Вот мы кто! Все без исключения! Но даже шипастое дерьмо может пригодиться – в качестве удобрения и разрыхлителя возрождающейся природной среды. Все дело в разумном количестве выпускаемого двуного дерьма, точно отмеряемом управляющими системами. Гоблины – пищевая база хищников. Гоблины срут семечками манго, рассеивая их по джунглям…

– Ты хоть раз видел косточки манго, старик?

– А ты видел мою жопу, амиго? Косточка манго? Ха! Да для меня это как буррито в коридор кинуть…

– А? Я че-то не догнал…

– Дам тебе совет, амиго – меньше думай о чужих седых жопах. А чего ты не догоняешь, так это того, что гоблины разрушают бетонный кариес прошлого, а скоро они же выгрызут последнее из разбросанных по планете мегаполисов… Вот в чем наша польза, амиго.

– Кем ты был в прошлом, старик?

– Не знаю… я помню себя лет с сорока.

– Без обид… но, может, ты был этим… ну… не хочу тебя так называть, чтобы лид не сердился…

– Кем?

– Ну… тем, кто лопатит вонючее прошлое…

– Историком?

– Ты сам сказал.

– А может и был, – кивнул седой гоблин, откладывая полную обойму и берясь за следующую. – Я так думаю, что историки тоже нужны! Хорошо вскопанное прошлое – это отличная почва для ростков будущего, амиго.

– Нет… лид все же прав – к черту прошлое!

– Да погоди ты! Я расскажу тебе свои предположения о допущенных нашими предками ошибках, и ты поймешь, что…

– Пока ты бубнишь о сдохших временах, там Ссака сиськами светит! Задумайся! Впустую живешь!

– К-хм… помоги-ка мне подняться…

Закончив вытираться и переодеваться, я бросил грязную одежду в растущую кучу рядом с останками дохлого героя. Вернулся к торгматам, еще раз попытался проверить баланс через внутреннее меню и убедился, что пересчета валюты пока не произошло. Вместо цифр лишь пустота. Но шизу продают исправно – и я с нескрываемой радостью набрал пятьдесят таблеток, не забыв добавить к этому два вида энергетиков и десяток пакетов компотного концентрата. В голове лениво шевельнулась мысль о эльфийских слезах… Шевельнулась и исчезла.

Тщательно собравшись, убедившись, что ничего не забыл, я закинул оружие и рюкзак в машину, рявкнул на гоблинов и принялся забираться в экзоскелет. Выбравшись из машины, расплескивая воду, давя какую-то живность и рвя растительность, добрался до дверей, где вскрыл ручную броню, чтобы прижать палец к сенсору. Спустя мгновение двери с тяжелым скрежетом начали открываться. Внутрь тут же хлынула вода, небольшое озерцо стремительно исчезало. Над головой зазвучала хриплая торжественная музыка – так и представилось, как под эту дешевую музыкальную клоунаду сюда входят

автобусы, набитые поселенцами. Не доиграв до конца, музыка оборвалась, и тут же из широкого тускло освещенного коридора донесся долгий гудящий звук. Не понять, что было его первоначальным источником, но мне он показался долгим рыком, что многократно отразился от стен и углов, прежде чем долететь до нас. Рык затих, а вот отчетливые тикающие звуки никуда не делись. Следом послышался почти неразборчивый женский голос едва живой автоматики, объявивший, что створки будут закрыты через минуту. Выждав еще несколько секунд, я шагнул вперед, входя в Сумрачную Территорию. За мной вошли остальные, въехал внедорожник, мы начали спускаться по ребристому влажному спуску. И на этот раз под моими ногами лязгал металл – бетон кончился. Все роднее окружающие пейзажи…

Покрывшие стены живая желтизна и зелень сожрали краску всех, возможно, бывших здесь картин и надписей, после чего сдохли, не сумев выжить на мокром металле. Но одну надпись я все же увидел и с трудом прочитал: КЛУКС-15.

Судя по всему, раньше на этом месте располагался целый список, снабженный одной фигурной скобкой, чьи остатки я едва различил. Скобка служила стрелкой, указывающей прямо по коридору.

КЛУКС-15.

Что-то знакомое… надо вспомнить… однажды я уже слышал это название. Подняв руку, я провел бронированным пальцем по стене в том месте, где в этом исчезнувшем списке должна была располагаться строчка «КЛУКС-17».

Ладно… нас ввели во Франциск II в месте, что наиболее приближено к моей условной родине. Похоже, система решила, что для меня не составит труда повторить однажды уже хоженый маршрут.

Глава вторая

– Охрене-е-е-еть…

Ссака вроде бы просто выдохнула в пространство перед собой, но оно услышало и ответило многократными шепотками и смешками, что невидимыми зверушками запрыгали по стальному и каменному месиву, в чьем преддверии мы оказались.

Тяжело шагнув, я ударил ногой по вздыбленной стальной плите и, убедившись, что она даже не шелохнулась, полез по крутому склону этого с презрением высунутого металлического языка. Оказавшись у верхнего края, не став показываться полностью, огляделся. Врубать фонари или пользоваться средствами ночного видения не потребовалось – освещения тут хватало. Свет исходил сверху от висящих на высоте в три десятка метра здоровенных ламп, находящихся на нетронутой повреждениями ровной стальной поверхности. А вот все остальное….

Сколько стадионов вмещается в рваную жопу Камальдулы?

Много…

Сейчас уже так сходу не понять, что тут было раньше, но судя по тому, что бросалось в глаза и опознавалось сначала частично, а затем целиком, я решил, что здесь находились ангары для тяжелой строительной техники. Хотя куда лучше было бы сказать, что здесь базировалась тяжелейшая эпично-охренительная техника, что некогда возводила Франциск II и подобные ему миры-опухоли.

Под моими ногами лежала изувеченная, частично смятая ферма строительного крана или ему подобной башенной техники. Начиналась она у моих ног, а где заканчивалась – не понять, в пятидесяти метрах впереди она исчезала в мятой куче металлолома, что состояла из… собранных в кучу помятых монструозных гусеничных бульдозеров и промышленных шагоходов.

В ста семнадцати метрах высилась еще одна подобная гора – также из искореженной и будто стащенной сюда техники. Металлические плиты напольного покрытия местами содраны, согнуты, обнажая бетон и камень.

Чуть сместившись, я глянул в центр колоссального ангара, что по моим оценкам был не менее километра в поперечнике. В центре, где к потолку поднимались целехонькие стальные колонны, от которых отходили арочные пролеты, кто-то

тоже постарался, очистив пол от нагромождений запаркованной техники. Там по большей части явно парковались пассажирские длиннющие колбасы, каждая на сотню гоблинских рыл – теперь ясно, на чем радостных гоблинов-переселенцев возили по стальным коридорам обманчиво радушного мира. Сейчас все электрокары были отброшены, собраны в три металлических холма, что встали не абы как, а по краям здоровенного углубления, до краев заполненного водой.

Вот оно… теперь картинка сложилась…

Именно в центре, между колоннами, что поддерживали своды, тому, кто с легкостью отшвыривал многотонные машины, удалось вскрыть напольные плиты в достаточном количестве, а затем выбить из-под них бетон, чтобы начала поступать вода и образовалось озеро шириной в тридцать с чем-то метров. Глубина неизвестна, но вряд ли она важна, главное – наличие воды.

Почему?

Потому что те три холма вокруг озерца и еще один, что гораздо ближе к нам, радостно светятся достаточно большим количеством желтых тусклых огоньков, хотя среди них встречаются очаги света чуть ярче. Холмы обитаемы – как и ангар.

– У здешних холмов есть глаза, – произнес Каппа, успевший занять позицию на капоте мертвого бульдозера с эмблемой Атолла Жизни во весь корпус.

– Там!

Возбуждения в голосе Ссаки было столько, что я не стал презрительно морщить жопу и сразу же глянул в предложенном направлении. Увидел нечто не вписывающееся – или слишком хорошо вписывающееся? – сделал увеличение и… шатнулся вперед, падая с плиты.

– Я увидела! – с надеждой выдохнула наемница. – Я!

– Ссака со мной, – уже в движении приказал я. – Остальным ждать. Наблюдай, Каппа.

– Есть! – мечник не смог скрыть звучащего в голосе разочарования.

Двигаться скрытно в этом месте было легко – укрытий хватало. Прежде чем выбрать подходящее место для будущего озера, неизвестные твари успели пошариться по всей территории утопающего в сумраке ангара, изгибая или вырывая плиты, сдвигая и сгребая технику. Укрытий до жопы. Главное – двигаться в ровном мягком ритме и заранее просчитывать маршрут так, чтобы все время находиться под защитой того или иного укрытия. Мы быстро удалялись от входа в Сумрачную Территорию, но противоположная стена приближалась куда медленнее – сказывались размеры этой рукотворной каверны.

– Лид?

Правильно поняв вопрос, я остановился рядом с поставленным дыбом смятым электротягачом и, оценив расстояние до вершины холма, принял решение:

– Лезем оба. Кресты не трогаем. Не высовываемся.

– Лишь бы все это дерьмо не придавило нам жопы, – пробухтела Ссака, проворно взбираясь по боку во многих местах пробитой цистерны еще одного тягача.

Я двигался по соседней «опоре». Через минуту мы оказались у самого верха, где и замерли, скрывшись в решетчатой тени под изогнутой фермой мертвого крана. На вершину стального холма из хлама будто бейсболка был нахлобучен кузов многотонного грузовика. Получилась относительно ровная монолитная площадка, на которой и находились привлекшие наше внимание объекты.

Семь крестов, три из них заняты распятыми гоблинами. Один сдох, распух и влажно шипит дохлой жопой, испуская из себя трупные воды. На еще одном кресте голая скальпированная девка со срезанными сиськами и утыканным сварочными электродами животом. Эти электроды в каждом из обитателей крестов, но в девке их раз в десять больше. Похоже, кто-то тайно выражал своих похотливые мечтания. Уронив покрытую запекшейся кровью голову, девка подергивается, явно собираясь скоро присоединиться к коллективу жопного хорового пения. И третий крест… на нем обладатель таких же украшений, лишенный скальпа, члена и яиц мускулистый крепыш с обожженным снизу лицом – походу, ему сжигали бороду, чьи жалкие остатки еще видны на щеках.

Крепыш, уставившись в никуда, пребывал в говорливом бреду, явно споря с кем-то невидимым, но уже пришедшим по его душу:

– Нет! Нет! Нет! К каждому есть ключик – кроме тех, кто не имеет замка. Ведь ключ надо вставлять в душу, а не в жопу. Вставлять прямо в гребаное подсознание, а затем проворачивать. И каждый раз это происходит по-разному. Каждый раз ключ разный. Но знал бы ты, сколько у меня в незримой связке универсальных ключей, что подходят к миллионам душевных замков… Ты знаешь названия этих ключей…

Пауза… долгий хрип… недолгая тишина… и черные рваные губы расползаются в презрительную кровавую ухмылку:

– Что? Деньги, власть и секс? Это универсальные ключи? Нет!

Пауза… на этот раз подольше. Стон боли, к которому добавляет свою плачущую лепту агонизирующая девка. И опять лихорадочное бормотание:

– Нет! Тогда это взятка, а не ключ! Ценность ключа в том, что ты, по сути, ничего не даешь взамен, а свое все же получаешь… Хотя, может и ты что-то даешь – нечто эфемерное, но очень и очень желаемое. Я умею! Умею договориться! О, лидер! Мой серебряный лидер Флоратор! Доверь эту миссию моему боевому звену! Я не подведу! Я договорюсь! Я…

Мелко задрожав, крепыш ударился затылком о крест и расслабился, медленно выпуская воздух уже мертвыми губами.

– Флоратор… – сдавленно пробулькала Ссака. – Лидер Флоратор… щас сдохну от смеха…

– Гномы, – выдохнул я, переводя взгляд с новоиспеченного мертвеца на соседний крест.

– Поговорить не удалось. Баба тоже не жилец.

– Но еще не сдохла, – возразил я. – Цепляй ей к жопе запасную аптечку. И отдавай приказ впрыснуть все бодрящее разом.

– Ее это прикончит, – предупредила поползшая наемница.

– Да что ты говоришь? – удивился я.

– Ну туда-то зачем электроды запихивать? – поразилась подползшая к полудохлой девке Ссака. – О… они их еще и подпалить пытались. Бенгальских огоньков захотелось, ушлепки?! – она не замечала, что в ее голосе зазвучала та извечная древняя солидарность одной бабы к другой.

– Уймись, боец, – зевнул я. – И подари ей веселье.

– Обезбол тоже вколю.

– Мне похер. Главное – не дай аптечке погрузить эту дохлятину в сон!

– Сделано…

Эффекта долго ждать не пришлось. Получившая ударную дозу целительной химии изуродованная девка вздрогнула, подняла голову и заорала так громко, что наверняка привлекла к себе внимание всех здешних обитателей. Да и посрать – Ссака уже отползла, вернувшись под защиту противоположного от озерца склона. Даже если оттуда в это время смотрели на далекий от центра эшафотный холм, то вряд ли что-то сумели увидеть. В этом проблема подобных казней – воняет, течет, мешает наслаждаться жратвой и питьем, да и потрахаться при такой вони нормально не удастся. Поэтому убрали кресты с распятыми подальше. И дали нам шанс подобраться к казнимым. Хотя есть ли толк?

– Заткнись, боец! – рявкнул я, и воющая девка осеклась, повела в мою сторону ободранной башкой, из ее пробитых скобами и затянутых на болты рук лениво потекла кровь.

– Кто… кто… Лидер Флоратор? Ты послал за нами…

– Нет. Я Оди. Гоблин Оди.

– А… а… дерьмо святое… – опять уронив голову, девка засмеялась. – Ты ангел смерти, Оди? Не зря твоим именем пугают. Я сама с опаской ходила сумрачными кор… – ее речь прервалась внезапно. Обвиснув, она замерла, аптечка с потушенными огнями и вырубленным звуком часто завибрировала на ее ребрах, пытаясь вернуть жизнь в этот истерзанный кусок мяса.

– Боец!

– Да! Да! Я на посту! На посту! Я полезна!

– Ты уже умерла. Понимаешь это?

– Да… да…

– Аптечка тебя не вытянет.

– Да…

– Успей рассказать – на кой черт вы здесь? Не похоже на гномье поселение.

– Энзимы! Энзимы поймали нас! Засада!

– Энзимы?

– Уходи, гоблин Оди… они поимеют тебя… они не хотят говорить… миссия провалилась…

– О чем вы пришли говорить?

– Металл! Металл! – это слово вылетало из ее уже почти дохлого сухого рта со звонким лязгом. – Металл! Гномы куют металл! Нам нужен металл! Дайте металла… дайте!

– Чем они вооружены?

– Дайте металла!

– Эй! Какое у энзимов вооружение?

– Металлом окованы наши сердца…

– Вооружение?

– Разное… огнестрел… тесаки… грязные твари… мы хотели договориться… Металл!

– Техника?

– Рыцари-великаны шагают… бум… бум… ковши на руках…. И ножницы… перерезали сестрицу Пульвассу… вместе с броней…

– Шагоходы? Строительные шагоходы?

– Сдохни, гоблин Оди… От… отсоси! Мы… я…

На этом общение закончилось. Одним трупом стало больше. Зная, что весь отряд слышал через передатчик откровения похотливой девки, я тихо приказал:

– Выдвигайтесь тем же путем сюда, Каппа.

– Есть.

– Ссака. Давай им навстречу. На полпути тормозни, займи позицию и подстрахуй.

– Есть.

Оставшись у вершины в одиночестве, я ползком добрался до изуродованного трупа, дотянулся до выплюнувшей все содержимое аптечки и парой осторожных тычков по клавишам оживил ее световые сигналы. Как и ожидалось, сначала загорелся, а затем сиротливо замигал единственный красный огонек. Пациент сдох, аптечка ничего поделать не может. Этот мигающий красный огонек мне и был нужен. Убравшись с вершины, я замер в терпеливом ожидании, зная, что рано или поздно подмигивающая красным вершина эшафотного холма

привлечет чье-то внимание.

– Лид…

– Слышу, – ответил я Каппе.

– Засек у озера движение. Бортовая электроника опознала тяжелый шагоход. Скорей всего, промышленный.

– Ага, – согласился я, с высоты занятой позиции оглядывая огромный ангар. – Наверняка он и есть. Продолжайте движение.

– Есть.

Сменив позицию, я забрался в смятую кабину электротягача, с удобством расположившись на водительском кресле, что больше напоминало трон, хотя на самом деле представляло собой универсальную конструкцию, совмещающую в себе массажное кресло, рабочее место, трансформирующуюся кровать и терминал с доступом в виртуальные миры полного погружения – надо же чем-то заниматься бесполезному живому куску мяса в полностью автоматическом беспилотном тягаче. Хотя вон те бульдозеры выглядят абсолютно аналоговыми. Там из электроники будет разве что аптечка вцепившегося в рычаги управления водителя.

Еще через семнадцать минут наконец-то случилось ожидаемое – в очередной раз высунувшись со стороны тягача, оставаясь под прикрытием смятой кабины, я увидел вразброд шагающую группу из четверых гоблинов – определенно гоблинов, тут и сомнений не возникло, несмотря на странное обозначение «энзимы». На груди лидера висит дисковый автомат, за спинами еще двух виднеются пока не опознанные стволы, четвертый лениво тащит на плече что-то вроде двуручного меча. Метрах в пятидесяти за ними очень неспешно ковыляет ходульная конструкция – прозрачная освещенная просторная кабина, высоченные тонкие ноги, крохотные ручные универсальные манипуляторы, свисающий между ножных опор крюк на тросе. Это, считай, не переделанный средний погрузчик, что обычно занимается контейнерами. Похожий на скелет трахнутого клоуна-паяца шагоход шел медленно, но уверено, сидящая в кабине-аквариуме девка позевывала, явно не пребывая в восторге от перспективы посмотреть, что же там за красный огонек зажегся в жопе явно сдохшей гномы.

Эта техника не для боев – эту витрину даже башкой прошибить можно. Скорее для внутренних операций, связанных с перетаскиванием.

Но… я не поверю, что весь этот металлом стащили в кучи, смяли и даже сплющили шагоходы. Нет. Тут поработало что-то живое. Что-то очень сильное и умеющее действовать целенаправленно. А учитывая приложенную силу, глядя на заброшенные вверх многотонные бульдозеры, легко понять, что размеры у этих любителей тягать тяжести немаленькие. А раз так… где они? Мое внимание снова обратилось к темной линзе озерца между колоннами и стальными холмами.

Доложившийся Каппа замолк, замерев у подножия стальной кучи. Он молчал, но вся его стальная фигура выражала вопрос и нетерпеливое ожидание. Стоявшая за ним Ссака мало чем уступала в выразительности, хотя ее экз уступал Глефе мечника. Я их не разочаровал:

– Продолжим беседу. Доставьте двоих. Любого из пеших и пилота шагохода. И чтобы никакого шума, гоблины.

– А можно кровавой драмы? – шипяще поинтересовалась наемница, явно изнывая от злобы.

– Мне посрать.

– Спасибо, лид.

– Остальным – наблюдайте! – велел я, коротким жестом указав наилучшую позицию для созерцания.

Раздав указания, я вернулся в кресло, опустил винтовку на водительскую дверь и замер, наведя ствол на грудь пилота шагохода. В таких машинах, если устройство не демонтировали, одним нажатием кнопки врубается тревожный ревун, что мгновенно даст знать всей округе о проблемах. Свои мысли я озвучивать не стал, собираясь понаблюдать за действиями сержантов.

Вражеская группа лениво приближалась, одним своим видом доказывая, что они чувствуют себя в полной безопасности. В какой уж раз я изумлялся этой

повальной похеристичности и беззаботности. С чего у них такая железобетонная самоуверенность? Туда даже «пейзаж» играет против них – хаотично разбросанные горы из искореженной стали, пологие длинные холмы, топорщащиеся рваным острым металлом, узкие петляющие тропы, груды обычного мусора, торчащие из пола стальные плиты. Они живут в неконтролируемом хаосе, где очень трудно маневрировать даже при идеальном знании местности. Обзор невероятно дерьмовый. С самого высокого холма – того, что рядом с озерцом и выглядит ярче всех благодаря десяткам огоньков – обзор открывался чуть лучше, но даже со своей неудобной позиции я уже успел определить, что здесь полно мертвых сумрачных зон. Так откуда такая самоуверенность, гниды?

Каппа вступил в дело первым. Выпрыгнув как черт из коробочки, он влетел в «витрину» просторного кокпита, с легкостью пробив толстый пластик. Один выверенный удар, и пилот шагохода обвис на удерживающих его ремнях. Машина автоматически сложила ноги и замерла уродливым кузнечиком. Вылетевший из кокпита мелькнувший в воздухе брошенный тесак врезался в спину гоблина с двуручным мечом, пробив его насквозь и выйдя из груди. Развернувшаяся троица впередиидущих изумленно замерла, вытаращившись на произошедшее за считанные секунды. К их ногам рухнул странно приплясывающий гоблин с пробитым телом. Выпрыгнувший из кокпита Каппа, удерживая на плече обмякшую девку, спокойным шагом двинулся мимо охреневших гоблинов. Тот, что с автоматом, схватился было за оружие и… рухнул на колени, пытаясь нащупать вдруг выросший у него из затылка пучок ржавых арматурин. Ссака надавила сильнее, заставляя арматуру пройти сквозь башку и вылезти через рот. Резко рванув, она раздробила череп, снеся верхушку головы. Высвободив оружие, она вбила обляпанные мозгом арматурины в прикрытые рабочими очками глаза начавшего вскидывать оружие второго врага. У третьего рывком выхватила зажатую в лапах винтовку и ласково прижала бронированный палец к его прыгающим от ужаса губам. Тот мелко закивал.

Задумчиво хмыкнув, я перевел винтовку на дальние холмы и скомандовал:

– Хорхе, забирайте пленных и вяжите. Ссака вскройся. Переведи шагоход в мертвую зону.

Получив подтверждение, я добавил:

– Неплохо… но выпендрежа многовато, гоблины.

С неохотой выбравшись из кабины, где так хорошо клонило в дрему, я спустился, успев послать в опустевший наблюдательный пункт двойку гоблинов с оптикой. Пусть бдят. Присев рядом с дрожащим пленным ушлепком, я вскрылся, и в то же время рядом тяжело опустился «кузнечик», звякнув тяжеленным крюком-членом о сталь в десятке сантиметров от лица пленника. Тихонько заблеяв, он протяжно перданул, явно пытаясь о чем-то вымолить с помощью неизвестной мне жопной азбуки.

– Рассказывай, – велел я, доставая нож и втыкая ему в ступню.

На этот раз он заорал, а заодно и обделался. Ну точно сигналит… Крик ему прервал ласковым пинком Каппа, что тоже успел выползти из экза. Убедившись, что послание принято и понято, мечник прихватил автомат и полез на холм.

– Что… что рассказывать? Кто вы?! Гномы?! Ты гном?!

– Я что похож на говна кусок?

– Н-нет! Н-нет, ферменс! Не похож!

– Как ты меня щас назвал, гнида тупая?

– Я… я… – скуксившись, гоблин тихонько заплакал, уткнувшись разбитым хлебалом в пол.

– Святая пульпа, – выдохнула дернувшаяся девка, очнувшись и вскинув голову. – Что за…

Увидев мое лицо, торчащий из ноги соседа нож, она осеклась и затихла, прижавшись к ледяной стали. Здесь вообще довольно прохладно – особенно после солнечных жарких джунглей. Навскидку здесь чуть больше десяти градусов тепла. Поэтому одеты пленники соответствующе – старые комбезы с частыми заплатками и нашитыми стальными пластинами. Причем комбезы интересные – это не ткань, а кожа. Причем кожа странная – полупрозрачная, но толстая, темная. Обувь такая же – короткие сапоги из такого же материала. На одежде повсюду частые отверстия и клапаны – ну да, иначе сдохнешь.

– Говори, кожаная, – поторопила девку Ссака, уперев ей ботинок в поясницу. – Говори!

– Вы кто?!

– Они смерть наша кислотная, Пфосси, – проскулил первый гоблин.

– Рассказывайте, – повторил я, и моя усмешка стала шире, а воткнутый в ступню нож вошел глубже. – Рассказывайте!

– Но ты не спрашиваешь, ферменс! Ты ничего не спрашиваешь!

– Я спрошу, – пообещал я, рывком выдергивая нож. – Я спрошу…

* * *

Выслушав добровольную истовую исповедь ушлепков, что каждый раз искренне огорчались, теряя очередной палец или кусок плоти, я оторопело поморгал, глядя в одну точку минуты три, но этого срока не хватило и пришлось удвоить временный промежуток.

При допросе я сделал упор на самое главное, внимательно отслеживая реакцию переглядывающихся пленников. Они были настолько разными по характеру и поведению, что совместный допрос дал гораздо больше толку, чем отдельные два.

Я выяснил, где находятся три стальных двери с бронированными сканерами, что остаются равнодушными к прикасаниям местных. Раньше туда вели три лучеобразных «улицы», что расходились от той двери, с чьей помощью мы сюда угодили.

Левая – самая большая – дверь сейчас открыта, частично отъехав на катках в сторону, да так и умерев. Это настоящий тоннель, что ведет в овальный зал с центральной широкой дорожкой, снабженной множеством пандусов, каждый из которых входит в одно из небольших углублений, расположенных в выложенном плиткой полу. Сверху свисают десятки манипуляторов, что свободно перемещаются по потолку – вся эта техника мертва, равно как и две стальные

полусферы. Четыре раза в сутки зал заливается сдобренной химикатами синеватой ледяной водой, что доверху наполняет сотни углублений и заодно покрывает пол двадцатисантиметровым слоем. Через час вода уходит через сливы, после чего еще на час пол и нижняя часть стен покрываются слоем сероватого снега. За залом находится место, где они очнулись – частично залитый водой морозильник, поделенный на отсеки и заваленный спящими гоблинами. Сколько всего изолированных отсеков в морозильнике неизвестно, но там толстенные стальные двери с крохотными оконцами, сквозь которые можно видеть, что все это похоже на нечто вроде выгнутого дугой поезда. Каждый отсек – вагон. Редко, действительно очень редко, морозильник дергается, пытаясь качнуться вперед, продвигаясь на метр и со скрежетом и лязгом возвращаясь назад. Что-то, сука, не срабатывает, и поезд остается на месте. Хотя сутулый хреносос Доррис тихо выдвинул теорию, что это не поезд, а что-то вроде гигантского ориентированного по горизонтали колеса. Что-то вроде закольцованной конвейерной ленты. Зал служит для размещения только прибывших, их укладывают в углубления, прокалывают спецсредствами, а затем омывают, промывают, что, кстати, разные вещи и наконец замораживают. Затем манипуляторы подхватывают спящие тела и укладывают в один из отсеков морозильника. Ах да – некоторых, но хорошо, что не всех, еще и… про-мать-его-ампутировали по полной программе. Реально! Они очнулись полными ампутантами, к всеобщему испугу заходясь воем и дергаясь на окровавленных полках. А отрезанные руки и ноги покачивались в специальных держателях на потолке… тот еще, мать его, кошмар… Как всех обработали и уложили в отсек, гигантское колесо делает часть оборота, подставляя к залу пустой отсек, а полный продвигая к следующей операции.

Какая операция является следующей?

Хреносос Доррис предположил, что дальше идет вторая сортировка, где поочередно отсаживают «пассажиров», направляя их на разные… холодильные склады, как бы дерьмово это не звучало.

Почему хреносос так решил?

Да потому что на стенах уже вскрытых отсеков имеется отчетливая и примерно одинаковая надпись вроде: «Общий. Базовая сортировочная –18» или же «Общий. Базовая сортировочная –19» и так далее. Пройти по отсекам и проверить они не смогли – многие двери заблокированы, хотя температура там повысилась, и многие либо проснулись, либо же умерли в заморозке –

захлебнулись в водяном слое на полу. И им еще повезло – пробудившиеся задохнулись, когда кончился кислород. Те, кому посчастливилось очнуться во вскрытых отсеках, смогли вдоволь «насладиться» агонией несчастных бедолаг.

Такое вот дерьмо-дерьмище…

Где сейчас такой умный хреносос Доррис?

А он умер, пытаясь отыграться и заодно отомстить. Ведь его хренососом прозвали, когда он проиграл все имущество и решил сыграть на «мягкую услугу». И проиграл. Пришлось отсосать победителю – а выиграл Великан Боб, и великаном его прозвали не из-за роста. Огорченный прозвищем Доррис вызвал Боба на решающий раунд. И снова проиграл – одну «мягкую» и одну «жесткую» услугу. Но долг не отдал – полоснул себя по глотке и истек кровью.

Что? Память? Нет, воспоминаний нет, и с этим почти глухо. Была одна старуха – уже пробудилась старой – так она, поняв, что выглядит морщинистой аксилой, вскрыла свой тайный мясной карман и наглоталась таблеток, что там хранились. Ее так торкнуло, что она едва успела всех послать нахер и тут же ушла в глубокий бред, перешедший в еще более глубокую кому. Но часть времени она бредила, вспоминая пылающие города, багрово-черные облака, прочертивший небеса по всей планете метеоритный дождь от разом сходящих с орбит тысяч интернет-спутников, про Атолл Жизни и то, что они сраные, мать их, счастливчики… Да… вот так…

Куда ведут остальные двери?

Сенсоры на всех дверях заблокированы. А центральная дверь еще и закрыта. За левым проходом морозильник. А за правым небольшой зал с десятками блокированных стальными заплатами проходов, огромным глубоким пустым бассейном в центре и несколькими пустыми биологическими контейнерами немалых размеров. Бассейн сейчас превращен ими в свалку совсем уж ядовитой или даже радиоактивной хрени, что порой находится среди здешнего металлолома. Что за центральной дверью или за той, что напротив нее – неизвестно. Но, наверное, выход. Жаль только туда не попасть. Стены слишком прочны, их не берет даже имеющаяся у них промышленная техника.

Но они пытаются! И успешно!

Правда, мнения разделились – причем разделились строго по холодильным группам. Те, кто очнулся в морозильнике 18, предпочли возложить все надежды на пробивание тоннеля сквозь горную породу под стальным полом. Работы начались недавно – когда удалось запустить первые три шагохода, способных выполнять эту работу. А та группа, что преимущественно вышла из холодильника 19, большую часть времени проводит на свалке, где пытается собрать взрывное устройство, что будет способно пробить дыру в одной из двух запертых дверей. Есть еще и третья группы – эти просто терпеливо ждут, одновременно выполняя нехитрые и нетрудные работы по хозяйству, что кормит их всех.

Как долго они уже здесь?

Десять лет. Они живут в одиннадцатом году от рождества Святой Троицы Аэраторов. Но только последние три года освещены светом мирного сосуществования. А до этого их мирок накрывал мрак междоусобной войны, что унесла почти две сотни жизни.

Что? Мать вашу! Что?! Вас вообще сколько было изначально?! Чуть больше четырехсот, а в каждом из четырех вскрывшихся морозильных отсеков было тесно складировано по двести пятьдесят мерзлых гоблинов? Выжили не все? Ладно… сука, ладно… Вот вас всего четыреста, вы заперты в сучьей консервной банке, и вы принялись истреблять друг друга, вместо того чтобы объединить усилия, направленные на выживание и достижение гребаной свободы?!

Именно так. Добиться мира удалось не сразу. Но с превеликим трудом это все же удалось. Помог великий покерный турнир, и с тех пор эта игра у них в великом почете, а ставки святы. Не зря же именно эти правила вспомнил и пересказал умирающий от какой-то болезни Стирес, что втихаря нажрался мяса торкнутой старухи, вспомнившей свою молодость и конец мира… Хотя к моменту мира их осталось всего чуть больше десяти дюжин рыл…

Но для них и это слишком хорошо – эти слова произнесла окончательно очнувшаяся и разговорившаяся мрачная девушка-пилот

Она же их и пояснила – они умудрились угробить всех детей. Их было чуть больше двадцати, в возрасте примерно от трех-четырех до столь же примерных четырнадцати. Вряд ли тут была сортировка по возрасту, скорей всего, так

просто совпало. В любом случае дети мертвы. И это только их вина, причем не единственная. Каждый из них либо замарал руки кровью, либо изнасиловал, обманул, развел на имущество, кого-то обыграл и затем заставил платить своим телом… в общем, все настолько дерьмово, что она, если честно, предпочла бы заплатить сполна и сдохнуть в этой стальной пещере так и не увидев солнца. Они заслужили это – все до единого дерьмоеды, что не достойны звания «человек».

Переваривая ее ответ, я потратил минуту на смакования шиза-коктейля, поданного Хорхе. Этого временного промежутка вполне хватило девке, чтобы связанными руками выхватить из ляжки соседа нож и полоснуть им сначала его по глотке, а затем и себя. Я мог помешать, но не собирался этого делать, задумчиво смакуя шизоидную кислятину и глядя на мерцающий огоньками главный стальной холм.

Я уже получил ответы на все волнующие меня вопросы.

Про гномов, что не подозревают, насколько слабым стало племя энзимов, про способ их паскудного выживания, про странное святое трио каких-то аэраторов и про то, куда нам двигаться дальше.

Поднявшись, я отдал приказ, и через несколько минут мы пришли в движение, покинув подножие не эшафотного, как оказалось, холма. Наш путь лежал к центральной блокированной двери.

* * *

Как и ожидалось, мы встретили ноль сопротивления, и это вполне логично – по рассказам пленников, за все время здешнего их прозябания центральные двери не открывались ни разу. Смысл сторожить глухую по их понятиям стену?

В остальных же «горячих» точках охрана была выставлена.

Гномы попадали в набитый драгоценным металлолом зал через три крысиные лазейки, каждая из которых открывалась и закрывалась по два раза в сутки. Лазейки выглядели как установленные в стене полутораметровой высоты горизонтальные поршни, каждый из которых раз в двенадцать часов лениво

выползал, выталкивая в решетчатый короб немного грязи, представляющей собой густую серо-черную слизь, странным образом воняющую молоком и машинной смазкой одновременно. Стены будто сморкались. Через эти ноздри раньше и прибывали гномьи отряды, истребив немало энзимов. Повезло, что в эти лазы было невозможно поместить больше семи гномьих бойцов и уж точно нельзя было протащить этим путем тяжелую технику – если она вообще была у сучьих гномов.

В первый гномий ласковый визит энзимы встретили их распростертыми восторженными объятиями – помощь прибыла! Спасение! В подставленную грудь им и прилетели игольные и картечные выстрелы. Больше такой ошибки энзимы не допускали, приняв кровавые правила и начав убивать в ответ. Позднее, после нескольких крайне неудачных для гномов вылазок, их подземные вожди с огромным запозданием попытались наладить мирные отношения, но этот фокус уже не сработал. Остервенелые сучьим бытием энзимы с радостью убивали всех чужаков. И вылазки прекратились – после последней типа массовой атаки, когда одновременно через три лазейки прибыли вражеские бойцы, попытавшиеся подавить энзимов огневой мощью и тремя десятками мелких страшных тварей, похожих на лысую четырехлапую мошонку с пастью. Твари полностью подчинялись удивительной командирше – тощей татуированной девке, что едва втиснула свою костлявую жопу прямо в шкуру одной из таких тварей – только покрупнее и поярче окрасом.

Гномам не помогла их рать монстров – твари успели убить всего-то двух энзимов до того, как на боевую сцену прибыла Святая Троица Аэраторов.

Белл, Констанс и Владимир.

И стоило им появиться, как уродливые твари гномов просто замерли, а затем начали отступать. Они прижались к стене, где и оставались, пока аэраторы неспешно не подползли ближе, чтобы столь же неспешно их проглотить. Изумлению гномов не было предела – особенно поразилась тощая девка, которую изверг собственный уродливый конь.

Это была последняя гномья атака, и следующие три года – вплоть до нашего прибытия в зал-мирок энзимов – гномы тут не появлялись. Видимо, усвоили урок. А когда от них явилась эта вот делегация с ложными обещаниями, воинственные энзимы, что уже успели наладить быт и получили надежду на освобождение, с презрением отвергли предложение мира. Гномов долго истязали, а затем

прикрутили к стальным крестам, где и оставили «дозревать» вкусняшки для животов аэраторов.

Аэраторы…

После рассказа о них я очень хотел увидеть этих тварей – и не из желания полюбоваться ими.

Аэраторы, тогда их было пятеро, были найдены еще не получившими своего племенного наименования энзимами в том самом бассейне, что тогда еще не пустовал. Бассейн был частично наполнен водой и частично сползающей по бортикам и стенам серой слизью, что истекала из закрытой ныне широченной трубы в потолке. В бассейне медленно плавали они – аэраторы – сплетая и расплетая свои прекрасные тела, снабженные пучками длинной жесткой щетины, частыми соплами на коже, мелкими лапками и мощными броневыми щитками на головах. Каждый из аэраторов в те времена достигал минимум шести метров в длину, при этом толщина их тел была несоразмерна длине – прекрасные создания были очень толстыми. Сами туловища были примерно в метр с небольшим в диаметре. Сплошные комки стальных мускулов, настолько сильных, что один аэратор мог с легкостью сдвинуть с места бульдозер. Но главное – они были разумны. Самый большой из них и ныне мертвый Великий Даня обладал разумом, вполне сравнимым с гоблинским. Говорить они не могли, а вот указывать на те или иные буквы и символы были способно двое из аэраторов. И оба погибли в боях с проклятыми гномами. Так пятерка аэраторов стала тройкой. Мир съеденному праху Великих Дани и Марии.

У аэраторов, после того как бассейн окончательно опустел, случился период безумства. Они, испуганные, ошеломленные, дезориентированные, метались по огромной стальной ловушке в поисках влаги. Но не находили. Именно тогда случились все разрушения, а «пейзаж» крохотного мирка обрел свои текущие очертания. Повезло, что ведомые инстинктом существа сумели создать себе небольшое озерцо в центре зала, где и укрылись. Так началось общения аэраторов и энзимов, так они наладили свои добросердечные отношения. И с тех пор энзимы выполняют свои прямые функции, в то время как аэраторы кормят энзимов. Можно сказать, что они кормят друг друга…

Поточнее?

Ну…

Аэраторы всеядны, но больше плотоядны. Однако у них огромная проблема с пищеварительной системой – просто так она не усваивает питательные вещества. Что-то не срабатывает в их огромных мертвых желудках.

Поэтому аэраторы глотают энзимов. Ненадолго – каждый такой непрерывный сеанс длится минут десять. Проглоченная пара одетых в защитную одежду энзимов, оказавшись в первой камере желудка изрядно выросших аэраторов, начинает прыгать, бродить, пинать стенки не желающих сокращаться и вечно зарастающих какой-то плесенью желудков. Эта плесень блокирует поступление к пище пищеварительных ферментов. Поэтому энзимы специальными скребками счищают ее, одновременно массируя стенки желудков. Через десять минут они выбирают наружу тем же путем, каким пришли, а аэратор вентилирует свою утробу, затем некоторое время пребывает под водой, чтобы успокоить нежную кожу, после чего выныривает на берег, и процедура повторяется. Так до десяти раз утром и столько же циклов вечером. Но вечером работ больше с выделением, чем с пищеварением – открывающие свои задние бутоны аэраторы принимают энзимов, что выгребают экскременты из клоаки и чистят ее тоже не желающие сокращаться стенки.

Аэраторы не остаются неблагодарными – каждый день они выделяют из своих сопел пусть неприглядную, но удивительно питательную густую черную смолу. Три ложки такой смолки способны обеспечить все пищевые потребности взрослого гоблина на протяжении суток.

Чем питаются аэраторы? Мерзлой человечиной и гномами. Хотя ни в коем случае нельзя кормить аэраторов чем-то жестким – лучше всего дать человечинке дозреть, стать мягкой и податливой как масло. Затем следует ее истолочь, избавиться от всех костей, разбавить пюрешку водой и только затем кормить аэраторов. Ну а затем массировать им желудки. Воняет, конечно, но у них есть запас защитных масок. А желудочных едких ферментов, что неохотно выделяются из очищенных стенок желудка, энзимы не боятся – раз в несколько лет огромные создания сбрасывают свои шкуры, плюс выплевывают желудочную старую кожу. Из этого материала создаются прекрасные защитные костюмы.

В общем – жизнь энзимов прекрасна. Главное, чтобы не было войны.

Вот дерьмо…

Я настолько охренел, когда узнал главную функцию энзимов, что едва не забыл спросить про предназначение самих аэраторов – вряд ли их создали, чтобы они кормили аварийно размороженных ушлепков.

Ответ меня поразил.

Умеющие общаться аэраторы – те, что ныне мертвы – поведали о своем бытие до того, как они очутились в высыхающем бассейне.

Предназначение этих гигантских то ли червей, то ли червяг в том, чтобы носиться в густой биомассе и взбивать, аэрировать ее, питать выделяемой смолкой и так до бесконечности. Они были созданы, чтобы поглощать все отработанное из этой жидкой биомассы и отрыгивать у специальных раструбов, где скапливалась серая слизь.

Питать, очищать, взбивать и аэрировать, насыщая кислородом. Вот их жизненная цель.

Но их почему-то отторгли – видимо, что-то не так было с их телами.

Мне потребовалось несколько минут, чтобы осознать.

Аэраторы – это мозговые черви Камальдулы.

Те, что насыщают ее мозговую жидкость кислородом и питательными веществами. Те, что пожирают мусор. Кто своими щетками трет и чистит стенки емкости там, где плавает мозг искусственного разума, правящего этим миром.

А энзимы… они просто робинзоны клоаки, мать его. Им тупо не повезло. И я даже не знаю, как назвать гоблинов, чьей судьбой стало массирование собственными телами желудков и жоп кормящих их мозговыми витаминами червей.

Это настолько безумно, настолько все через жопу, что я предпочел даже не думать об этом дерьме.

Единственное, что я сделал, после того как прижал палец к сенсору и заблокированная множество лет дверь со скрежетом начала открываться – подтащил и бросил у стального мощного косяка несколько рваных гусеничных траков. Понявшие мой замысел Каппа и Ссака молча помогли. Когда мы покинули мир энзимов и двинулись дальше, за нашей спиной осталась щель шириной в метр с небольшим.

Вход для гномов.

Выход для энзимов.

А что делать безумным ушлепкам-энзимам… решать им самим. Захотят – выйдут. Не захотят – освободят проем, и двери снова закроются, отрезая их от мира.

Я уже знал, что у них нет своих «новых» детей, что были рождены здесь. А стало быть, их племя обречено на вымирание. Но мне посрать. Пусть сами решают, как им быть дальше.

Глава третья

– Сдохни раз! – рявкнул я, простреливая орущему хренососу башку.

В затылке пробило дыру с большой палец, зато спереди вылетело пол лба, плеснув мозгами в лицо побелевшей от ужаса девки. Заорать она не смогла – одна и та же пуля убила обоих, добавив пару трупов к общему месиву.

На запертых в клетке трясущихся гоблинов я внимания не обращал, медленно обходя их по кругу и продолжая стрелять, экономно тратя патроны. Перезаряжаться было влом. Скольких я уже завалил? Считать перестал на втором десятке. Пол до боли знакомого вместительного зала был завален трупаками и еще дышащими ранеными. Мой небольшой отряд, рассредоточившись, двигался редкой, но убойной гребенкой, валя орущих дезориентированных гномов, многие из которых до сих пор не проморгались после устроенного нами светозвукового шоу…

Мы вышли на гномью кляксу абсолютно случайно – коридор вел прямо, но было невозможно не заметить, насколько укатан до блеска пол бокового прохода. Стоило приоткрыть забрало, и ноздри уловили знакомую аппетитную и одновременно тошнотворную вонь живого, дышащего, жрущего, пердящего и сношающегося месива. Оттуда пахло старым обжитым жильем. А на стене имелись недавно намалеванные знаки, говорящие о многом.

«Славные гномы живут в той стороне. Свободные гномы! Нет системе!

Плуксам – громкое ДА!»

«Лучше в жопу дать, чем у системы сосать!»

«Она ложная мать! Она машина!»

«Круши! Бей! Топчи! Убивай и сношай!»

«Мы знаем правду – нас поимела машина! Прикрой мозг, блокируй жопу!

Громкое гордое НЕТ проклятой машине! Нет промывам мозгов! Нет жопным щупам!

Нет заданиям! Будь свободным!»

«У нас забрали главное – память!»

«Гоблины – не гномы! Они мясо для коней!»

«Старшим лидерам больше нет веры! Они сосут у жриц!»

«Ксарлы – не боги! Ксарлы – послушное мясо!

Нет святости! Да практичности! В жопу ритуалы!»

«Наши жрицы – самые горячие сучки нижних путей!»

«Всем, кто жаждет свободы – добро пожаловать, гном! Добро пожаловать!»

«Истинный гном истинному гному и задницу подарит!» – зачеркнуто, рядом на металле следы запекшейся крови, на полу пяток окровавленных зубов. Кому-то этот лозунг показался сомнительным.

«Наша вера крепка! Мы – будущее!»

Там еще много чего было намалевано. Дальше я читал через строчку, продираясь через сплошь покрытые текстом и рисунками стены. Понял многое. Ясно, что среди этих «свободных гномов» есть те, кто достаточно грамотен, чтобы осознавать силу лозунгов, и способен создать их. Но там немало и конченных ушлепков, которым лишь бы стены испачкать.

Сначала мне невольно вспомнился тот художник с жутковатым талантом, на чьи картины я впервые наткнулся в стальных катакомбах этого мира. Его талантом здесь даже и не пахло. Только и сумели нарисовать огромные мохнатые члены на полстены, а над ними гирлянду сисек вперемешку с отрубленными головами.

Дождавшись очередного любителя неумело пачкать стены мочой и краской, я провел очередной экспресс-допрос. Выплевывающий осколки зубов и ошметки губ бормочущий тощий ублюдок поведал уже почти понятую мне коротенькую историю – от двух ближайших по расположению гномьих кланов буквально пару недель назад откололось по двести с небольшим тех, кто считал старые кастовые порядки слишком жесткими.

Видишь ли, не всем нравится от своего «рождения» здесь и до самой старости крутить болты, глядя при этом, как элита крутит сиськи столь же элитным жрицам. У них все веселье, а у нас только гребаная убийственная по тяжести работа.

Они в сверкающих доспехах, а мы в рваной робе. У них телки как телки, ухоженные, в шортиках, в татухах, с волосами до задницы, а бедра… о эти сучьи роскошные бедра… а у нас… попробуй с ее ребристой груди сначала слой смазки

и сажи отскрести, чтобы увидеть сиськи или же понять, что все это время скреб горбатую спину…

Гном гному рознь!

Вот и случился раскол. Ну как раскол… обычный мятеж. Они захватили пару мелких арсеналов, перехватили караван мясных рабов-свиней и ушли сюда – в окраинную кляксу, где раньше доживали свой век гномы-изгои. Стариков они всех порешили, чтобы не мешались. Их новый лидер проявил мудрость, заставив всех последователей сдать оружие и запереть, перед тем как начать веселую пьянку под главным лозунгом «Трахайтесь все, дети мои!»

Они рассчитывали, что у них чуть больше суток прежде, чем сюда явятся боевые отряды злых сородичей. Но особо не опасались за свою судьбу – такое уже и раньше случалось. Их вразумят мягкой поркой, а затем выпишут некоторые послабления, добавят бонусов, а лидеров мятежа еще и повысят. Ведь по древней гномьей мудрости способных надо держать на своей стороне. Так что их вожак уже спит и видит, как в будущем станет кандидатом в младшие боевые или хотя бы производственные лидеры. Для тех, кто придет по их души, и подготовили эти заезженные лозунги. Хотя некоторые постарались и от себя добавить побольше дерзости. Правда им наверняка придется пожалеть – оскорблять жриц нельзя. Поэтому лидер и послал его сюда – замазать наглухо к херам все упоминания о жрицах. Рисковать не стоит… ой не стоит…

Все равно ведь какое-то пусть мелкое, но наказание все же придется понести за содеянное. Так что лучше не добавлять себе дополнительных проблем.

Но ведь у них есть причины бунтовать – не додали! Всего не додали им по жизни! Надо исправлять! Да, они всего лишь жалкое рабочее отребье, но они ведь тоже гномы и права имеют!

Когда мне надоело слушать это дерьмо, я прикончил дерьмоеда и пошел в темноту коридора. Тьма с готовностью проглотила меня, а следом и весь отряд.

Короткая разведка показала, что пьяная гулянка в самом разгаре. Подхватив друг дружку под локти, гномы устроили орущий двойной хоровод, крутясь вокруг клетки с пленными гоблинами, плюя сквозь решетку на испуганные лица. Увидев крайне расстроенные рожи гномов, занявших позицию в одном из

тупиковых жилых отнорков, где располагались капсулы, я коротко пояснил бойцам свой славный план, прихватил Каппу, и через пару минут все завертелось.

Убив троих расстроенных гномов, что пили самогон и охраняли арсенал, я оглядел кучу чужого оружия и отвернулся – ничего скорострельного. Дробовики, реплики древних винтовок, карабины, пистолеты.

Еще через минуту с другой стороны кляксы грохнули частые выстрелы.

А еще через одну в отнорок ввалилась ревущая пьяная толпа, торопящаяся дорваться до оружия.

Мы с Каппой вскинули автоматы и даже не целясь вдавили спусковые крючки. Раздавшиеся злые очереди уронили первые ряды и принялись рвать следующие. Завывшие ублюдки попытались затормозить, но их повалили напирающие сзади. Образовалась орущая куча, что облегчила нам задачу. Я швырнул пару гранат, Каппа тоже добавил. Затем мы уронили по одной зажигательной и, перепрыгнув огромную кучу горящего мяса вывалились в кляксу, где продолжили отстрел носящихся гномов.

Когда упал последний, я повернулся к клетке, оглядел перепуганные лица пленных консерв.

Дерьмо…

Как давно я не видел этих смешных ублюдочных шорт, маек, сандалий, поясных сумок…

Гоблины, дети системы…

Отдав приказ, я сквозь дым двинулся к выходу из кляксы, по пути пинками дробя головы еще живых. Кто-то молил о жалости, но я остался равнодушен. Из гномов не выживет никто – кроме их лидера, которого захватила Ссака, оттащив его к выходу, где во вздутом аппендиксе коридора пристроился очередной пятачок безопасности. Даже непонятно, на кой хер он там – тут же жилая клякса со всеми удобствами. Но мне было плевать – все равно тут нигде ничего не

работает.

* * *

От блеющих пленников толку было ноль. Обычная рабочая бригада с трудовыми амбициями. Работяги, которым «посчастливилось» выиграть особый контракт на чистку застенных пространств в одном из дальних сумрачных коридоров. Их должна была сопровождать боевая бригада ВерМат, то бишь Верность Матери, но они почему-то не явились. Зато вместо них заявились гномы, вывалившись в коридор через выбитые решетки у пола. Работягам завязали глаза, чуток избили для профилактики, связали и потащили неведомыми дорожками, по пути обещая всякие кровавые ужасы.

Гномий самозванный лидер оказался говорливым и слишком часто мигающим голубком. Говорил он много, но только не о деле. Выдавив ему один глаз, я вернул его словесному поносу нужную мне направленность. Послушав его пару минут, отдал приказ, и мы двинулись дальше, набив прицеп пленниками.

Когда мы покидали замалеванный уродливыми граффити коридор, электроника Гадюки уловила за нашими спинами едва различимые звуки. Останавливаться я не стал – и так ясно, что кто-то из энзимов рискнул покинуть родные пределы и сейчас осторожно просачивался в неизвестные им коридоры. Вскоре они наткнутся на месиво из обгорелых и расчлененных трупов – Каппа в какой-то момент не выдержал и, убрав автомат, взялся за тесак, а Ссака решила устроить с ним спор.

Одноглазый гномий ушлепок, закрывая ладошкой еще целое око, торопливо бубнил, рассказывая необходимое. Но знал он немного и вскоре мы уперлись в предел его знаний.

Великое Перепутье.

Название громкое, а на самом деле просто овальное помещение с выходящими в него шестью лифтовыми дверьми. Само место было солидным, просторным, одновременно тут могло поместиться до двухсот гоблинов с пожитками. Над каждой дверью светящиеся цифры от одного до шести. Рядом четкие, прекрасно сохранившиеся пояснения.

Клуксы, Дендры, Трутсы, Форги…

Для здешних гномов активным был единственный лифт – номер четыре, Форги. За дверьми скрывалась вместительная площадка скоростного лифта, что за считанные секунды доставит вниз – на исконно гномьи территории, где бок о бок, разделенные сетью коридоров, находились два гномьих городка-поселения. Там же расположились их кузни, где гномы штамповали требуемый объем достаточно простых запчастей, что грузились в приемники, а взамен оттуда забиралось металлическое сырье на переплавку. Когда удавалось раздобыть достаточно металла, гномы выдавали из-под своих прессов однозарядные винтовки, дробовики, хорошие стальные щиты, умели делать и надежные шлемы. Было бы сырье.

Почему лифтовая зона названа Великим Перепутьем? Никто точно не знает, но все слышали, что раньше, много-много лет назад, на этом месте каждый мог раз и навсегда выбрать свою судьбу. В какой лифт войдет – такова и будет судьба его. Но это правило не касалось детей. Для них существовал отдельный лифт – шестой, Футуро. Сейчас же работает исключительно четвертый лифт – во всяком случае, для гномов.

Было несложно убедиться, что этот выродок не лжет – металлический начисто вымытый пол не мог солгать. На нем виднелась начищенная шаркающими ногами до блеска серебристая тропинка, что разделялась и вела к трем коридорам – мы пришли одним из них.

Проверять, что находится в глубине других проходов, или же спускаться в гномьи поселения я не собирался. Сучьих гномов я ненавидел всей душой, но терять драгоценное время ради них не стану. Проредил чуток грядку – и дальше.

Первый лифт звякнул, когда я прижал палец к сенсору. Створки быстро разошлись, показывая пыльную платформу. Хорхе облегченно выдохнул – внедорожник впритирку входил в этот достаточно солидный проем. А вот прицеп уже не влезал. Пришлось поработать руками, чтобы втащить и прижать к стене прицеп, затем загнать внутрь машину и на все это сверху набросать пленников и отряд. Подтянув к себе побелевшего гномьего ушлепка, я выдавил ему второй глаз, дождался, когда затихнет его блеющий вой, после чего велел передать другим гномьим выродкам, чтобы не расслаблялись – я приду и за ними. И приду очень скоро.

Я не любитель дешевых угроз, но если это заставит гномов сжать булки и начать метаться, с тупой бессмысленностью перебрасывая боевые отряды туда-сюда, эвакуируя драгоценных шлюхожриц и заставляя гражданских пахать вдвое больше… это тоже неплохо.

Долго не использовавшийся лифт достиг конца пути через двенадцать секунд. С механической бесстрастностью раскрыл створки и при следующем моем нажатии на внутренний сенсор никак не отреагировал. Ну да – я нужен Камальдуле там, наверху, и она сделает все, чтобы не позволить гоблину Оди мотаться куда ему вздумается по ее запутанному кишкопроводу. Вернувшийся в родную жопу глист должен двигаться исключительно по строго заданному маршруту.

Вот только, сука, маршрута не было видно в упор… Мы даже лифтовую кабину покинуть не можем. Но маршрут все же был: главное – раскидать то иссохшее дерьмо, что преградило нам путь.

Едва створки лифта открылись, внутрь кабины под испуганные вскрики бывших пленников и пары моих бойцов – я мысленно отметил визгливых упырков – упал с десяток трескучих пыльных скелетов. обтянутых пергаментной кожей. Бурые от уже высохшей трупной жидкости майки не скрывали тела мумифицированных гоблинов, устроивших мертвячью лежку в конце коридора.

Шагнув, я прорвался сквозь почти невесомые тела, подняв тучу пыли. В голове полыхнула вспышка воспоминаний о заблокированном Клуксе-15, о блокпостах в коридорах, об эпидемии, которую Камальдуле удалось локализовать. Оглянувшись, я сквозь подернутое информационной цифирью забрало взглянул на успевших вдохнуть немало поднявшейся в воздух мертвецкой пыли и… зашагал дальше. Поздно булки в тревоге морщить.

– Матушка Святая… – проскулил кто-то внутри освещенной лифтовой кабины, явно не решаясь совершить прогулку по хрустящим смятым телам.

Ему помогла Ссака, выпнув сразу четверых и злобно рявкнув:

– Не плескать повидлом жопным, суки! Вперед! Эй! Ты! Лысый! По роже твоей вижу, что ты мягкотелый любитель малинового вареньица…

– Что вы, что вы, орк! – поспешно замотал головой освобожденный лысый пленник. – Даже не знаю, что это! Но разве я похож на тех, кто такое ест? Я никогда! Я не такой!

– Вперед!

Лифт вздрогнул, створки начали смыкаться и снова разъехались – система проявляла нетерпение. Крики Ссаки, удары Каппы и мое молчаливое презрения вкупе с системной помощью помогли вытряхнуть остатки сброда из лифта. Тот тут же закрылся, и в пыльном коридоре повисла кромешная тьма.

– Лид?

– Давай, – велел я, оглядывая узковатый коридор.

Между стальными стенами и боками внедорожника оставалось сантиметров по тридцать. Потный Хорхе вцепился в руль мертвой хваткой, всем своим видом показывая, что не собирается расставаться с верным электро-конем.

Луч наплечного фонаря пробежался по лежащим на полу телам. Двое бойцов, что-то бормоча, поспешно оттаскивали их в стороны, чтобы по ним не проехались шины техники.

Те, кто сдох в этом коридоре, для чего-то устроили невероятно тесное лежбище, что позднее превратилось в чересчур интимное кладбище. Из ран, что я увидел на их телах, лишь следы от срезанной плоти. Это не боевые раны. Так с дохлой собаки или кошки срезаешь самые лакомые или просто съедобные на вид куски. Под некоторыми иссохшими руками обычные ножи, пластиковые дубинки с гвоздями, а вон там игстрел. Каппа подтянул его, осмотрел.

– Пусто.

Кивнув, я повернулся к черноте в глубине коридора. На телах здесь погибших нет ран от иголок. По кому бы не высадили весь боезапас, это точно произошло не здесь – отстрелянных игл не вижу.

Прошагав по коридору, через семнадцать метров уткнулся в железную решетку. Причем это аварийная решетка – при той или иной ситуации подобные хреновины внезапно выдвигаются из стен и блокируют опасность, будь то пожар, наводнение или эпидемия. Главное – не допустить распространения. Не допустить утери контроля. Никакого сучьего хаотичного масштабирования.

Но почему решетка? Эта преграда не остановит воду, пожар или вирусы. А вот для мятежа, который надо подавить с помощью прибывших со стороны лифта сил, это идеально – тут хватит пары солдат с автоматическим оружием или слезоточивым газом, чтобы сквозь решетку быстро успокоить бунтовщиков. Если же аварийные створки сплошные стальные, это только добавит проблем – надо раздвигать, может проскочить кто-то особо умелый… в общем, решетка гораздо лучше.

Под луч фонаря попали отчетливые следы на прутьях решетки. Я уже видел подобные. Добавив мощи зыбкому свету фонаря, я резко выпрямился, направляя световой луч в темноту. Миг… и мелькнувшая в сумраке тень исчезла.

– Я видел, – в голосе стоящего сзади Каппы звучали нотки ностальгической радости.

– Может, их всех убил гребаный вирус? – нервно спросил все тот же лысый нытик в чересчур коротких и облегающих шортах.

– Не-е-е, – успокаивающе улыбнулся я ему, предварительно подняв забрало. – Заразы тут нет. Вернее, она есть, но она не убивает, а обращает.

– Обращает? В кого?

– В деток Кевина, – рассмеялся я, поворачиваясь обратно к решетке. – Ну? Сколько еще ждать?

– Мы можем ее раздвинуть, – предложила Ссака. – Так о каких детках речь, лид?

– Зомби, – за меня ответил мечник, и радости в его голосе прозвучало еще больше. – Зомби…

Едва он произнес это во второй раз, решетка разошлась, втягивая створки в стену и открывая нам путь. Убрав автомат, я проверил дробовик и задумчиво замер, глядя в чернильную черноту.

Камальдула не подвела – через полминуты на потолке начали загораться редкие лампы, что кое-как разбавляли тьму до состояния зыбкого сумрака.

– Вот тот грипп, что выкосил гоблинов этой зоны, – рассмеялся я и покачал головой. – Сюда прорвалась зомби-зараза. И Камальдула просто заперла их. Каппа, посмотри.

– Вижу.

На полу коридора валялись растерзанные шкуры минимум пятерых довольно крупных плуксов. Там же лежали ломанные кости.

– И вот как они выживают. Плуксы против зомбаков не потянули, – заключил я. – Отряд! Придвинуться ко мне вплотную! Хорхе! Проверь вон тут энерготочку – должна работать! Раз Камальдула зажгла нам свет, должна и энергии подбросить любимым гоблинам. Остальным – слушать меня, гоблины! Ссака! Какого хера ты лысому глотку передавила?

– Этот сучий упырок назвал меня тупорылым орком! Плесень начала наглеть, мать их! У меня клыки из рта лезут, что ли?

– Орк здесь не оскорбление, – усмехнулся я. – Тебя назвали воином. Гоблины – работяги. Полурослики – скорее бизнесмены. Есть черви – ползающие ампутанты, лишенные части или сразу всех конечностей. Живое мясо на продажу похотливым упырям.

– О… А упыри – это?..

– Дерьмо, – ответил я и шагнул к стене, где радостно суетился Хорхе, подключая разветвитель. – Слушайте сюда, гоблины. И слушайте внимательно, если не хотите сдохнуть. Сумрачная Территория – зона жаждущих вашей сочной печени зомбаков. И нам придется пройти сквозь их территорию, чтобы добраться до следующего лифта, шлюза или иной какой стальной жопы, что с хлюпаньем и

лязгом проглотит нас. Вы, – я ткнул пальцем в бывших пленников, – не ждите от нас, что мы станем защищать вас ценой своих жизней. Хер вам! Помните это, когда кто-то из вас вдруг решит запаниковать и ломануться нахер из прицепа или с крыши внедорожника. Никто за паникером не поспешит и защищать его от тварей не станет! Поэтому те, кто считает себя трусом, пусть примотает свою жопу к прицепу намертво! Своими телами прикрывать вас не станем. Но и пушки я вам в руки не дам – зомбаков не заденете, а нас по тупости и панике своей положите. Так что ныкайтесь под груз, а те, кто не вместится – надейтесь на чудо и молитесь кому хотите. Запомнили? – убедившись, что пленники отупело замерли, пытаясь переварить не самую радостную для них информацию, я дал им полминуты на обдумывание.

И дождался вполне ожидаемого вопроса:

– Но гномы ведь нас сюда как-то провели… без этих… без встреч со сказочными…

– Провели, – согласился я. – Своими тайными узкими лазейками. У меня нет времени искать и отлавливать тех, кто знает эти тропки. Еще вопросы?

Тишина…

– Хорошо. Теперь вы… – под гул сервоприводов я повернулся к своим. – Не знаю, что вы там слышали прежде про зомбаков, если вообще слышали, но не думайте, что это медлительные тупые твари – это, скорее, большинство гоблинов такие. Зомби быстрые, умные, умелые, целеустремленные и бесстрашные. Мечта любого боевого командира – если сумеет управлять этой гребаной армией кровожадных отморозков. Но это не значит, что им удастся нас поиметь! Каждому назначу позицию. И хоть жопой к металлу присоситесь, но позиции не покидать! У каждого будет свой сектор. Так… Начну с тебя, Ссака. Ты топаешь сзади – самый опасный участок обороны.

– Ясно.

– Каппа….

Я говорил неспеша, вбивая каждое слово как гвоздь, в то время как в наши машины поступал запас энергии. Закончив, убедился, что каждый занял свое

место, заглянул каждому в глаза и только затем кивнул.

Отряд двинулся дальше, уходя от заблокированного сталью и трупами лифта. В жопу Великое Перепутье – наша судьба давно предопределена.

* * *

Я думал, что останавливаться мы не станем.

Я планировал пробиваться сквозь зомбячье мясо подобно раскаленной пуле.

Но через семьсот метров я замер на месте, а следом за мной остановились и остальные. В шаге от меня обрыв заполненной редкими искристыми вспышками замыканий бездны. Здесь ведущий нас коридор раньше расчетверялся и расширялся, но теперь остался лишь один путь да и тот превратился в хаотично изогнутую открытую галерею, похожую на смятую серпантинную ленту, что зацепилась за отвесную стену. Горная дорога… вот что лежало перед нами. Причем дорога ухабистая и нихрена не надежная.

Но меня ошеломило совсем не это. Нет.

Наспех убедившись, что пока нападения можно не ждать, а подступы просматриваются, я позволил себе рассмотреть открывшееся нам зрелище в мельчайших подробностях.

Мы стояли на краю выеденной в теле мира-опухоли гигантской каверны. Будто в глине остался воздушный пузырь с червоточинами. Так не было задумано – и свидетельством тому были обрывки труб, проводов, коридоров, даже целых машинных залов с сохранившимся оборудованием, повисшим на вставшей вертикально плоскости. А вон остатки Клукса – эти столы и лавки я узнаю везде, равно как и продолжающие мигать витринами старые торгматы. Дно этой ужасной раны не пустовало – там находилось все то, что было вырвано из боков и верха, затем обрушившись вниз. И это не был взрыв – скорее похоже на то, что нечто притянуло к себе все вещественное, что находилось в пределах досягаемости, будь то сталь, бетон или еще живое мясо. И там внизу, на завалах величаво покоилось самое интересное – боевой летающий остров, что пусть и переломленный пополам, вскрытый как консервная банка, лежал на горе

металла, гордо направив десятки оружейных стволов вверх.

На побитой проломленной скуле достаточно легко читалось «СкайВаулт-1».

– Россогор, – выдохнул я, глядя на мертвый летающий остров.

– Был им, – столь же тихо и эмоционально добавила сзади Ссака, оставшаяся на посту, но явно с помощью Каппы получившая картинку на свой забральный монитор. – Россогор-4. Был передан организации сурверов… Тем, кто собирался переждать апокалипсис, паря над облаками. Я читала об этом в последних закатных новостях. Но я никогда не слышала, чтобы он упал…

– Он не упал, – возразил я, оценивая нанесенные повреждения на другой стороне. – Он пошел на таран, паля при этом из всех стволов. Вряд ли это планировалось изначально, но раз уж падать…

– То с тараном! – металлически звякнул Каппа, научившийся неплохо имитировать мои интонации. – Истинные воины! Их нес священный ветер! Камикадзе прямиком отправляются в рай!

– Ну да, – буркнул я, продолжая исследовать оптикой края ужасающей раны. – Говоришь, новости были закатными, Ссака? Про передачу летающего острова сурверам?

– Так точно. Уверена. А потом я уже ничего не помню – добралась до Вест-Пик и стала тем, кем стала.

– В то время Франциск II уже принимал постояльцев, верно?

– Они прибывали нон-стопом.

– Выходит, в то время сурверы еще летали на переименованном острове и вряд ли помышляли проделать большую дырку в глобальном убежище. Но что-то их сподвигло на этот суицидальный подвиг… Вижу открытые бомболюки и ракетные шахты. Сначала СкайВаулт-1 пробил себе путь взрывами, затем нырнул уже сам, продолжая палить, а когда продвижение застопорилось… они подорвали себе сердце… ну или пнули сами себя по яйцам.

– Ядро Россогора? – поразилась Ссака. – Так вот что бывает при его взрыве? Этот эффект называют…

– Холодный взрыв, – буркнул я, глядя на летающий остров, одно из последних технологических великих достижений канувшей в лету цивилизации. – Но это нихера не взрыв. Скорее притяжная аннигиляция, если такое вообще существует.

– Сурверы превыше всего ценили выживание. Они фанатики выживания! Чтобы они пошли на таран? Да не поверю…

Глянув на Ссаку, я хмыкнул:

– Любой обреченный пойдет на таран, гоблин.

– Обреченный?

– Ага. Обреченный. Откуда, по-твоему, тут взялись зомби? Их принес вот этот самый долбанный летающий грязный…

– ЧЛЕН?! – визгливо вскрикнул кто-то в прицепе.

– Шприц, – закончил я. – Шприц, что глубоко влез в стерильную задницу Камальдулы, породив вот этот гнойник. Холодный взрыв не нанес урона органике, вирус и зомбаки уцелели, после чего тут началось уничтожение выживших после столкновения и аннигиляции гоблинов. Часть обратилась, часть сдохла в тупиках возле лифта. Просекшая о произошедшем Камальдула тупо блокировала все входы и выходы. И оставила гнойник как есть – дозревать в стальной ловушке. Ладно! Двигаем жопы дальше, гоблины! Надо убраться отсюда до того, как кто-то попытается и нам вонзить в задницы…

– ЧЛЕ?!… АЙКХ!

Не обратив внимания на мягкий шлепок увесистого удара и бряканье чьей-то головы о борт прицепа, я оторвал взгляд от летающего острова и повторил:

– Двигаем дальше.

– Заглянуть бы туда хотя бы на час, – мечтательно вздохнул Хорхе. – Сколько там всего…

– Нет, – отрезал я, наступая на высокую металлическую волну. – Раз ты так подумал – то и все здешние зомбаки решили точно также. Там наверняка есть гигагнездо – либо зомбячье, либо плуксов. И мы туда не пойдем.

– А откуда на острове взялась зараза? Как давно они ударили тараном по Олимпу? Проклятье! Я ведь слышал истории про тяжелый ночной удар и ночную зарницу над Олимпом… – едва не заскулил Хорхе. – И ведь подумал, что это очередные стариковские пересказы…

Дальше я уже не слушал, сосредоточившись на дороге. Коридорный пол и потолок пошли океанскими застывшими валами, что добавило хлопот. Но обзор оставался хорошим, а бездне по левую сторону я только радовался – оттуда никто не нападет. Поэтому я не упустил момента, когда из левого отворота сунулось стремительное тело, выстрелом расплескав зомбаку косматую голову.

Вот и началось веселье…

– Раз! – рявкнул я, и мы ускорились, перейдя на тяжелый бег.

Еще пятьдесят метров, и я снова повел стволом дробовика. Выстрел… голова, похожая на заплесневелую головку сыра, с плеском разметалась на части, что налипли на стену за уродливой фигурой и пристали к потолку.

Выстрел…

Его сделал кто-то сзади, напряженный голос Ссаки рявкнул по громкой связи:

– Двое! Одного положила! Один ушел!

– Продолжаем! – прорычал я, взмахивая рукой с выдвинутым лезвием.

Прятавшийся в проеме стены зомбак как раз подался вперед, рассчитывая пропустить меня – умный упырок! – и схватить бегущего за мной перепуганного

гоблина. В результате лезвие рассекло ему шею, черно-зеленая голова рухнула на пол и сплющилась под ударом бронированной ноги Каппы.

– Верх! Ай! Ай! А-А-А-А!

Я не обернулся. Но четыре частых винтовочных выстрела, а затем еще один из дробовика меня чуток успокоили.

– Минус один из балласта! Зомбак вылез из люка в потолке! Схватил конфетку и скрылся!

– Дерьмо, – поморщившись, пробормотал я. – Для них здесь любимая обоссанная песочница… Два!

Получивший приказ отряд ускорился вслед за вжавшим педаль газа Хорхе. Теперь мы бежали нихера не в экономном режиме. Энергия пусть еще не так быстро, но все уже ускорила свой ток, покидая наши батареи. Но иного выбора нет – долбаная искореженная галерея продолжала тянуться вдоль каверны, а судя по знакам на стене, именно там находится такая заманчивая цель как КЛУКС-17 и другие.

Почти неуловимое движение. И я с яростью вбил конец лезвия в стену, композитка с визгом прошлась по стали, оставляя глубокую борозду и рассекая охеренно наглого зомбака, что попытался тупо проскочить вдоль стеночки. И ведь у него почти получилось! Одним выстрелом Каппа добил еще дергающуюся верхнюю половину и тут же метнул мачете.

Хер там…

Бегущая навстречу обнаженная девка с черными разводами по поджарому белесому телу с легкостью увернулась, умудрилась перехватить рукоять тесака и швырнуть его обратно. Мачете отлетело от стальной груди Каппы, девка пролетела мимо меня, успешно избежав выстрела и лезвия. Но ее подвел пошедший волнами стальной пол. Она тупо споткнулась. Покатилась по полу и влетела поясницей под даже не подпрыгнувший на ее костлявой жопе внедорожник. С хрустом расплющившись по центру, завыв, она вцепилась в дно машины и потащилась за нами, дербаня металл когтями и волоча за собой отмершие ноги. Пара выстрелов добила ее, а меня заставила рявкнуть:

– Кто пробьет колесо – сам колесом, сука, станет! Картечью не херачить!

– Верх!

И снова удаляющийся перепуганный вой дал знать, что «потолочным» зомбакам опять удалось добыть себе вкусняшку.

– Тот же самый! – злобно заорала сзади Ссака, после того как тыловой отряд закончил полировать картечью стальной потолок. – Дерьмо!

– Лид!

– Вижу! – процедил я, стреляя с двух рук на бегу.

Одного задел и повалил – высоченного громилу, покрытого плесенью от макушки до пят. Вторая тварь с легкостью увернулась, подпрыгнула, пропуская под собой идущие от отряда выстрелы, вцепилась за какую-то хрень на потолке, извернулась и, пролетев над нами, получив картечь в задницу, ногами вперед влетела в защищенное решеткой ветровой стекло внедорожника. Подскочившая узкоглазая лучница спустила тетиву, с безумной скоростью выхватила и тут же выпустила еще одну стрелу, вбив обе в башку шустрой твари. Пробив ногой затылок упавшего громилы, выворотив ему мозги через лопнувшее лицо, я побежал дальше, продолжая палить с обеих рук – на нас двигался злобно воющий вал. Каждая пуля находила свою цель.

– Раз!

Мы резко сбавили скорость, а вперед ударили ревущие факелы огнеметов. Я швырнул гранату с динамитной шашкой, бросив подарок к стене. Раздавшийся взрыв откинул зомбаков в сторону, выкинув их к херам в бездну и отправив пылающих упырков в долгий полет. Оставшихся пылающих подранков быстро добили, внедорожник проехался по дымящимся телам, и я опять рявкнул по громкой связи:

– Два! И сразу – три!

Лязг бегущих во весь опор экзоскелетов порождал грозное лающее эхо, что разносилось на километры по искореженному пространству зияющей раны мира-опухоли. Прямо на нас со дна бездны смотрели мертвые стволы отлетавшего свое боевого острова. А мы продолжали бежать…

– Хер тебе! – ухмыльнулся я, заранее вскидывая ствол дробовика и всаживая сноп картечи в черную дыру в потолке.

Оттуда плеснуло кровавым дождем, что залил машину. Взорвавшийся ругательствами Хорхе выразил все свои эмоции. Три выстрела. И взвывшая от радости Ссака доложила:

– Молоток нашел еще одного крота! Ударь крота! Ударь крота! А, дерьмо! Сука!

Лязг металла, выстрелы, крики, рванувшийся и тут же затихший пронзительный крик.

– Потолочные утащили сразу двоих! Выбили фальшивый люк и схватили в пять рук! Но одного мы прикончили!

– Два! – вынужденно скомандовал я, увидев состояние пола впереди. К тому же коридор здесь еще и сужался. На таком сучьем серпантине внедорожник может порхнуть вслед за пылающими зомбаками, заодно утягивая за собой прицеп.

Как раз откуда-то из-за этих стальных складок и рытвин буквально вылетела маленькая тощая фигурка. Еще одна девка. Очень ладная, очень крепко сбитая, так и напрашивается вывод – сучий акробат. Завертев невероятную фигуру прямо в воздухе, она миновала наш заградительный огонь, сохранив немыслимую скорость, оттолкнулась сначала от плеча Каппы, затем от стены и сквозь боковое стекло влетела в полную бывших пленников машину. Выстрел… получив выстрел от Хорхе, сука выскочила обратно, залетела на крышу, полоснув когтями несколько бойцов, подпрыгнув, ударом обеих ног выкинула еще одного в пропасть и на этом же толчке кувыркнулась, оттолкнулась уже от стены и, едва не попав под мой выстрел, исчезла в очередном потолочном люке.

– Какая пластичная сука! – разорялся перепуганный Хорхе, даже не пытаясь скрыть свой страх и продолжая тыкать дрожащий пистолет в выбитое боковое окно – Какая пластичная пута! Шлюха! Ты мне тут свою шлюхопластику брось,

сука дохлая! Брось!

– Уймись!

– Д-да…

– Три!

Миновав опасный участок, мы опять побежали. Я с легкостью игнорировал несущиеся от машины крики боли подранков. И не упускал случая всадить пару выстрелов в любую подозрительную тень на потолке, что доставил нам столько проблем. Но это не помешало нам с Каппой прикончить еще десятерых тварей, что сунулись из широкого бокового коридора с надписью «Психологическая рекреация».

– Опять она!

– Пута! Пута! Пута! – завопил Хорхе.

– Тора! Тора! Тора! – поддержала его боевым кличем Ссака.

А я просто подпрыгнул, раскинул руки и… налетевшая лицом на мое левое предплечье хитрожопая сука замедлилась. Согнув руку, я прижал ее голову к своему боку, приземлился и побежал дальше. На полу за мной билась акробатка с расплющенной головой. А я уже помогал Каппе, что частыми очередями крошил очередную банду медлительных, но решительных заплесневелых хренососов. Выставив плечи, мы пробили их пылающие ряды, облегчив внедорожнику работу.

– Сзади толпа!

– Справишься?

– Да! – с полной уверенностью отозвалась Ссака. – Взрывчатка? Можно?

– Да!

– Суну в жопу нашего сдохшего… все равно без дела, сзади зацепившись, болтается… в живот ему…

– Да!

– Делаю!

– Четыре! – приказал я сам себе.

Остальные продолжили двигаться в том же темпе, а вот я, использовав все возможности Ночной Гадюки, оторвался от них в стремительном лязгающем броске. Несясь огромными прыжками, помогая себе ускорителями, я в считанные секунды добрался до преграждающих путь стальных створок.

«Вскрывшись», вылез мокрым от пота «паразитом» из согнувшейся стальной спины, ткнул пальцем в бесстрастно темный квадратик сенсора и тут же нырнул обратно, уходя из-под удара упавшего с потолка зомбака. Шов на спине еще закрывался, а я уже крутнулся, отсекая ублюдку ноги. Вставая, апперкотом расшиб ему башку на мокрые лохмотья, разжав пальцы, поймал за горло еще одного падающего сверху упыря и швырнул его в пропасть. Падая, зомбак глядел только на меня. А я смотрел на него сквозь дыру в груди третьего противника, выбитую двойным выстрелом картечи.

С визгом тормозов покрытый кровью внедорожник влетел в шлюз и замер там, оставив прицеп снаружи. Нас это не смутило. Легким тычком вернув на место испуганно даже не воющую, а странно пришептывающую тощую суку с болтающимися у пупка сиськами, я помог бойцам отцепить прицеп. Подняв, мы протащили его вперед и опустили рядом с машиной. Все это происходило одновременно с непрекращающейся стрельбой. Встав за спинами стоящих на одном колене стреляющих бойцов, я расчетливо потратил два подствольных гранатных заряда, погрузив коридор в огонь и осколочный ливень. Створки лифта почти закрылись, когда мне в шею вцепилась огромная черно-зеленая ручища настоящего великана. Он рванул на себя и только тут понял свою ошибку – я легко выдержал его рывок. Двери закрылись, в стороны плеснуло мерзкой жижей, а в шлюзе вспыхнул теплый желтый свет.

Оставаясь в экзоскелете, я повернулся к едва заметно мерцающему экрану на стене и произнес очевидное:

– Мы по уши в зомбо-заразе, Камальдула.

На экране вспыхнула зеленая строчка:

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/dem-mihaylov/infer-4

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить